

The background of the book cover features a composite image. The upper portion shows a view of Earth from space, with a bright horizon and a small airplane leaving a white contrail. The lower portion shows a city skyline at dusk or dawn, with several tall skyscrapers and their reflection in a body of water.

Владимир Макарычев

ПРОДАННЫЙ ДОМ

социальный роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Макарычев

Проданный Дом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Макарычев В. Н.

Проданный Дом / В. Н. Макарычев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

История конфликта современника Михаила Цветкова, пытающего жить по нравственным ценностям в условиях капиталистического рынка. Выгода и целесообразность вступают в противоречие с искренностью, честностью, справедливостью. Первой не выдерживает жесткой реальности любовь, затем, дружба и семейные традиции. Герой не остается одиноким, его гражданская позиция находит единомышленников. Тех, кто прошел испытание войной в Донбассе, Чечне, службу в военно-морском флоте. Среди них люди разных социальных положений и профессий: шахтер и губернатор, плотник и доктор, библиотекарь и генерал... Каждый этап жизни героя романа, является выбором его совести. Он не боится даушифтинга, когда приходится опускаться вниз по социальной лестнице и начинать все сначала. Автор представляет свой взгляд на наше время, страну, современный уклад жизни и нравов. Содержит нецензурную брань.

© Макарычев В. Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Владимир Макарычев

Проданный Дом

ПРЕДИСЛОВИЕ

Михаил Цветков вместе с женой ужинали в верхнем зале круизного лайнера «Принцесса Карнавала». В квадратном иллюминаторе, похожем на небольшое окно, можно было наблюдать за солнечными бликами, весело мерцающими на поверхности воды. Морская зыбь усиливала эффект игры трех стихий. Погода в этом районе Балтийского моря отличалась непостоянством.

Неожиданно раздался протяжный мелодичный звук, похожий на гудок игрушечного паровозика, из семи коротких и одного длинного сигнала. Повторился с настойчивостью, но без сопровождения голосом, еще несколько раз. Наконец, на английском и немецком языках объявили общесудовую тревогу. Соседей по столику, жену, других пассажиров несколько не смутил опасный сигнал, известный каждому моряку. Никто не выскочил из-за стола и не бросился бежать к спасательным средствам. Прием пищи и питья продолжался. Пассажиры не сомневались в качестве приобретенной страховки на личную безопасность. Надеялись на команду, к которой, по их мнению, относится данное предупреждение. Цветкову, напротив, сигнал аварийной тревоги (так он на военном флоте называется) не раз приходилось слышать в период срочной службы. Электрический колокол боевого корабля звучал намного резче, требовательнее в отличие от мелодичного гражданского. У них были разные предназначения. Для экипажа корабля требовалось быстро привлечь внимание, а для гражданского судна – не создать среди пассажиров паники. Требуемая задача, судя по мирному разговору собравшихся на ужин за одним столом восьмерых русскоязычных пассажиров, успешно выполнялась. Обсуждали порядки на круизном судне, сравнивали увиденное в ходе коротких прогулок по Скандинавским городам с жизнью в России.

– Я понял, наше круизное судно своего рода игра в будущее. Поместили в искусственную микросреду и каждому дали роль. Филиппинцев устроили стюардами; индонезийцев – палубными матросами, официантами, поварами; индусов и итальянцев поставили над другими нациями в виде офицеров, – рассуждал слишком откровенно семидесятилетний отставной директор оборонного завода, находящийся в плавании в сопровождении пятидесятилетней жены.

Он болел и редко выходил из каюты, потому умными разговорами раз в день компенсировал одиночество.

– Все равно неплохой бизнес придумали итальянцы, показывая пассажирам из тридцати стран образец благополучия на земле, мирного существования, – восхищенно высказался владелец частной стоматологической клиники из подмосковного Одинцова.

Жена, модно одетая полная женщина лет сорока, поддержала такого же дородного по комплекции супруга:

– Удивляет, как просто европейцы решают запутанные у нас вопросы с собственностью, подрядами на строительство, распределением социальных льгот, гендерным равноправием, демократией, отходами. Не стесняются первоочередного права местных жителей на работы, ущемлять в правах другие нации и национальности. Плевать хотели на состоятельность бизнеса, межнациональное согласие. Местный, свой по крови – получай преференции. Как у нас на Северном Кавказе.

– Во-первых, круизный бизнес придумали не итальянцы, а американцы, – покровительственным тоном поправил стоматолога директор-оборонщик. – Через Нью-Йоркское кадровое Агентство транснациональная компания «Карнавал» следит за установленными порядками. Например, не позволяют более двух лет работать в «раю», кроме офицеров-итальянцев. Именно американская компания присваивает результаты общественного производства, полу-

чаемого трудом экипажа круизного судна, перевозящего за один рейс более трех тысяч богатых туристов со всего мира. Люди, собранные в одном замкнутом пространстве, мирно уживаются друг с другом и это правда. Пока имеются деньги противоречий между трудом и капиталом не возникает. За этим зорко следят американские менеджеры, не допуская снижения контрольной суммы в тысячу евро на электронной карте пассажира. А как они навязывают свои культурные ценности! Музыкальные вечера классической евро-американской музыки и примитивные танцы с однообразными движениями под такие же песни-считалки. Аниматоры, как сектанты-методологи из вечера в вечер приучают отдыхающих к массовому гипнозу. Создается впечатление, что таким образом ставится грандиозный эксперимент по зомбированию национальных элит. Для всех же других, неуспешных, приготовлен «национальный котел», наподобие сегодняшней миграции в Европу. Пассионарным беженцам покажут жизнь в раю, да и направят обратно в нищую Родину, под управление подготовленных на круизном судне собственных элит. Результат политики компании «Карнавал» хорошо виден в Питере, где наподобие американской статуи «Свободы» на берегу Невской губы Финского залива, красуется символ российского капитализма в виде свечи-высотки здания Газпрома – Лахта Центра. Означает, мы согласились с предоставленным местом в международном разделении труда, поставщика природных ресурсов.

Никто не хотел обострять затронутой темы, снижающей впечатление от удачного путешествия. Сытно поужинав, не спеша направились по каютам собирать вещи. Судно прибывало в Питер через десять часов, в семь утра следующего дня.

Предчувствие надвигающей беды появилось у Михаила ещё днём, когда спустились в каюту на послеобеденный отдых. Шестидневное путешествие, которое они устроили с женой, завершилось. Позади посещения Таллина, Стокгольма, и только что Хельсинки. До Питера – небольшой морской переход. Затем Сапсаном до Москвы и дома. Необычный подарок по случаю пятидесятилетнего юбилея и двадцатилетия совместной жизни настоятельно рекомендовала супруга. Долго отказывался. Потом, как обычно бывает, сдался уговорам подключившихся детей. Для них родители олицетворяли пример поведения на фоне кризиса семьи в современном обществе. Для него же поездка стала жестом благодарности жене за терпение. Не единожды семейная лодка садилась на мели! Супруга, словно опытный лоцман, направляла их суденышко по руслу непредсказуемой реки жизни. Которая впадает в более широкую реку, чтобы закончить свой путь в дельте. Раствориться в огромном соленом и горьком море. Не приспособленная для плавания в бурных водах деревянная лодка обязательно утонет. Получается, ничто не вечно в этом мире, кроме смерти. Но и она существует до тех пор, пока течет из своего истока та маленькая речушка. Она, как малая родина, чиста и чудесна, а возвращение назад предполагает пройти прошлый путь заново. С другими людьми, в более надежной лодке, но не многим это удастся.

Звонки, сообщающие о происшествии на судне, прекратились. Началась легкая борьба с дремотой. После шести напряженных дней в качестве морского туриста требовалось просто расслабиться. Забыть, как сказочный сон, увиденные преимущества: в городской среде заправляет всем не чиновник, как у нас, а гражданин; в Швеции бесплатный транспорт для пенсионеров из любой страны мира, а у нас за МКАДом федеральных льгот уже нет; подозрительное отсутствие полицейских...

Опасные мысли о гражданском обществе прервал металлический звонок длившийся в пределах тридцати секунд. После небольшой паузы сигнал общесудовой тревоги повторился. Затем тревожный голос на английском, потом на русском объявил о пожаре на верхней надстройке в районе трубы. Голос настоятельно требовал: «Всем пассажирам покинуть каюты и выйти в места их приписки к спасательным плавательным средствам».

Удивительно скоро и синхронно Цветковы поднялись с койки. В глазах женщины стоял ужас. Первым делом муж попытался пошутить, успокоить: «Давай стюарда попросим принести

чаю в каюту». Шутка получила обратный эффект в виде нервного плача. Из судовой трансляции не прекращались требования к пассажирам покинуть каюты.

Следуя только что полученной инструкции, направились на верхнюю палубу к шлюпкам.

Сначала шли, потом, увлекаемые потоком испуганных людей, бежали по коридору. Странными показались плавающий под потолком пластиковый плинтус, вспучивающаяся метровыми волдырями краска на белых переборках. Жена, задыхаясь от едкого дыма, зажимала нос накидкой, недавно приобретенной за пятьдесят долларов в Хельсинки. Возле плавсредств давка, неразбериха. Попытки встать в очередь, ожидая организованного распределения, ни к чему не привели. Перед посадкой в шлюпку их с силой оттолкнул тот самый жирный стоматолог. Внушительным габаритам соотечественника сопротивляться было бессмысленно. Протолкнув вперед жену, любитель демократии, предварительно забросив объемную сумку в глубь спасательного суденышка, плашмя растянулся на поперечных лавках. Видимо от сильного толчка, шлюпка, наполовину наполненная людьми, начала бесконтрольно спускаться на тросах за борт. В шлюпке уже сидела молодая жена старого директора. Пожилой муж, оставшись на верхней палубе, безучастно махал на прощание рукой. Похоже, он хотел умереть на судне, не догадываясь о специфической услуге, предоставляемой критикуемой им американской компанией. Умерших в море хоронили за счет «Карнавала».

Не обращая внимания на всхлипывания жены, крики и плач окружающих, Михаил искал свободное плавсредство. Вся пятидесятиметровая палуба занята мечущимися из стороны в сторону людьми. Затем попытался переключить внимание на само судно, только что казавшееся надежным, как скала. Со страхом увидел в районе трубы вырывающиеся языки красно-коричневого пламени.

Два раза в жизни Михаил уже участвовал в тушении пожара. Последний, совсем недавно, в угольной шахте. Там точно не было выхода для спасения, словно из подводной лодки. Здесь все проще. Вот оно, на расстоянии семи-шести метров море. Огромная спасительная поверхность не пугала, а придавала уверенности. Люди напирали, оттесняя их с женой к леерным ограждениям. Неожиданно прогремел взрыв в районе трубы, куда он только что смотрел. Повалил густой дым. Надежда на спасение на территории судна окончательно исчезла. Внизу раздались хлопки. Оказалось, от удара об воду раскрываются спасательные плотики. Медленно надуваясь, на глазах превращались в маленькие островки. Решение созрело мгновенно. Обняв жену за талию, с силой оттолкнувшись от палубы, выбросились за борт. Прыжок с семиметровой высоты походил на ту секунду при пожаре в шахте, когда думаешь не о своем спасении, а как без тебя будут жить близкие люди. О мелочах, вроде квартиры, которую не успел купить для подрастающей внучки. О чем угодно, только не о своем спасении.

Оказавшись в воде, сразу же пошел на глубину. Предотвращая дальнейшее погружение, судорожно забил руками и ногами, пытаясь остановить опасное углубление. Удивился собственной настойчивости, когда оказался на поверхности. Отвлечение на радость дорого стоило. Сразу же получил жесткий удар в затылок от набегающей волны. Желание освободиться от водяной пробки в правом ухе потряхиванием головой привело к еще худшим последствиям. Пропустил очередную волну, накрывшую с головой. Вспомнил правила пловца дышать в таких случаях носом, выбрасывая влагу через рот. Вдохнул и чуть не захлебнулся. Отфыркиваясь, снова оказался над волной. Равнодушным взглядом проводил оранжевый спасательный жилет, все дальше уносимый ветром. Он вряд бы помог при волнующемся море с температурой воды в четырнадцать градусов, где через два часа суждено если не потонуть, то замерзнуть.

Море на самом деле находилось в обычном состоянии, с паузой в полминуты поднимая небольшой накат. Ветер усиливался, разгоняя морскую зыбь, казавшуюся из судовой столовой безобидно-веселой.

Обрадовался, когда увидел рядом, в метрах трех, качающийся на волне резиновый плот, похожий на игрушечное судно. Несколько резких взмахов руками и вцепился в обрывок

веревки тянувшейся от плота по поверхности. Оставалось подтянуться и все. Спасение! Вдруг неведомая сила заставила обернуться. В метрах десяти от плота барахтался, пытаясь удержаться на волне, человек. По черным волосам, характерному жесту время от времени поднимаемой руки угадал в плывущем жену. Наступило предательское сомнение в помощи утопающей из-за страха за собственную жизнь.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

(За полтора года до пожара на круизном лайнере)

1

Позади пятьсот километровый автопробег Москва – Макарово. Желто-красная октябрьская листва придорожных деревьев обрамляла черную трассу, похожую на голенище начищенного кирзового сапога. Водитель легковой японской машины Михаил Цветков, сорокавосемилетний мужчина среднего роста, ехал на малую родину. На память пришло стихотворение местной поэтессы Лидии Егоровой, подходящее настроению:

«Есть маленький город
В глубинке лесной,
Бесконечно он дорог
Зимой и весной.
И мы едем к нему,
Позабыв про дела,
Даже если дорога
Непутной была».

Не собирался покидать надолго столицу. Посчитал, пришло время подготовить базу, где можно временно отсидеться. Слишком тревожно на работе. Того и гляди попрут на улицу. Пришла новая команда. По традиции «нового времени» прежние начальники заменялись. Те, в свою очередь, меняли подчиненных. Шансы остаться в министерстве даже с понижением таяли с каждым днем. Вот и задумал, по примеру бывшего председателя Госдумы Ивана Лаптева, отсидеться некоторое время в «стоге сена». Переждать вдали смутное время.

Слева от дороги показался кривой забор городской свалки. Над кучей глеющего мусора стелился ядовитый дымок. Запах родины походил на скисшую капусту. Все равно помягче капоткинского НПЗ, поливающего сероводородом юго-восток Москвы. Города еще не видно. Он скрывается за густыми посадками хвои. Резкий поворот. Перед глазами водителя равнинная местность, застроенная одноэтажными деревянными домиками. Крыши бань и дровяников покрыты разноцветной материей. Пригляделся. «Во дают макаровцы! Старые рекламные баннеры приспособили. Практично. А возможно, это крутой маркетинговый ход талантливой местной фирмы? Надо подсказать товарищу идею, баннерами с кандидатом в депутаты покрыть крыши придорожных сараев».

Звонок мобильного телефона возвращает в реальность. Михаил правой рукой поворачивает руль. Машина уходит на центральную улицу прямо перед красным зданием бывшей автостанции. Левой держит мобильник.

– Никола-ич, ты гд-е? – тревожно звучит голос медицинского профессора Улыбина, товарища, старше Михаила ровно на десять лет.

Не ответить бывшему председателю московского землячества нельзя.

– Привет главному земляку! – кричит в трубку Михаил, не в силах скрыть радость от встречи с родиной.

Профессор год назад руководил общественной организацией выходцев из области, а Михаил был его замом. Мужчины дружили и искренне пытались помогать малой родине. Местные и московские власти покровительствовали землячествам, находя их неопасными для себя.

– Я в Чухло-ве, – тянет профессор, – а т-ы?

– Заезжаю в родное Макарово. Брат просил переоформить родительскую квартиру. На меня. За день надеюсь, управлюсь. Сказал, документы готовы. Ты что-то хотел?

Профессор странно замолчал. Затем осторожно, взвешивая каждое слово, продолжил:

– Поздравляю! Все дороги ведут к дому. Проблемка у меня образовалась. Дома. Судить послезавтра будут. Приезжай. Поможешь, если сможешь. Глядишь, долго не увидимся. Дадут срок и пойду по этапу.

– Заслуженного человека обязательно оправдают, – на шутку попытался перевести странный разговор Михаил.

– Да не-ет, – затянул профессор, – все серьез-но. Жалобу соседи на меня накатали. Травлю их, понимаешь, навозным запахом.

Неожиданное занятие фермерством известного хирурга казалось Михаилу странным. Коров да свиней разводить! С ума сошел профессор на старости лет. Но, видать, пошли у него дела, раз народ жалуется на навозную вонь.

– Количество говна, перешло в качество? – ехидничает Михаил.

– Прокурор настроен серьезно, – оправдывается профессор. – За сознательный подрыв экологии чухловского муниципалитета обещал вклеить судимость. В лучшем случае отделаюсь штрафом. Помогай!

– Хорошо. Управлюсь с переоформлением квартиры и к тебе. Семьдесят километров не расстояние. Когда суд?

Ответа не услышал. Перед самым капотом показался пешеход. Нога вжала педаль тормоза. Машина дернулась, как перед прыжком, заглохнув от резкой остановки. В груди похолодело, но «сбитый мужичёк» как ни в чем не бывало переваливающейся походкой направился в сторону центра. Автомобильный сигнал заставил того обернуться. По моргающим хитрым глазкам и вытянутому лопаткой подбородку с трудом угадал одноклассника. Да еще походка, как у моряка. Качающаяся.

– Колька, Головцов! – самопроизвольно вырвался радостный крик.

С Колькой два года сидели за одной партой. Кудрявый моргун запомнился безобидным и простодушным.

– Мужик, ты даешь, – извиняющее промямлил в ответ Колька, – мог бы до смерти зашить.

Медленно снял новенькую бейсболку. Голова школьного товарища оказалась полностью лысой. Её стянула коричнево-желтая кожа с необычными синими прожилками, густой паутиной нависшими над висками. Кудрявые волосы, вызывающие зависть мальчишек и восхищение девчонок, исчезли. Михаил засомневался. Видимо, за товарища юности принял другого человека.

– Мишка, Цветков! – развеял сомнения сильно изменившийся одноклассник.

Друзья обнялись. От Кольки шел точно такой же запах, как от свалки. Забродившей капустой.

Договорились вечером собраться у Сашки Маркова. Посидеть и поговорить. Колька обещал сюрприз.

Времени, с учетом предстоящей поездки в Чухлово, оставалось мало. Часы на бортовом машинном компьютере показывали 13.00. Пора спешить до брата. Кольку подвёз до центра. Осмотрелся. Время обеда, а город словно вымер. Ни души, лишь стайки собак. Появилась необъяснимая тревога.

Начал искать изменения в окружающей обстановке. Не находил. Те же покосившиеся заборы, дорожные ямы. Памятником местного значения выделялись остатки разбитой тротуарной плитки. Результат работы первого городского кооператива начала девяностых. Серега Зернов, сосед по квартире, прорабом тогда трудился. Добрый и отзывчивый парень. Потом

перешел в криминал. На вопрос, где работаешь, хитровато отвечал: «Есть такая профессия, рэкети́р». «Рэкети́р Серега» давно помер от цирроза печени.

В окружающих центр города одноэтажных строениях появилась роскошь: пара новеньких современных коттеджей, да сгоревшая поликлиника восстановлена в стиле «чешского пивного бара». Под крышей вывеска: «Центр торговли» предупреждала о монополизации и централизации, как общей тенденции в государственной политике. Обозначилась духовность: на главной площади восстанавливали храм имени Александра Невского. На народные средства. В советское время религиозно-культовое учреждение превратили в культурное (кинотеатр, Загс, библиотеку). Городок невелик, до перестройки проживало десять тысяч, а после двадцати девяти лет новой России – три. Казенные мысли с предложениями «все улучшить» шевелились в голову, как опарыши в брюхе тухлой рыбы. Они были бесперспективны ввиду бесполезности изменить действительность. Что делать, если ты не равнодушный!

– Земляк, дай рублик, на хлеб, – тихо попросил непонятно откуда появившийся давно не бритый мужик в застиранной осенней куртке.

В нищем узнал кумира восьмидесятых, капитана городской футбольной команды по кличке Хват. Всегда прежде жизнерадостного, одетого по последней моде в нейлоновую желтую куртку с круглым значком «Микки Мауса» и в клешонные американские джинсы. Михаил не удивился такому перевоплощению некогда успешного. «Сколько их спилось, опустилось, повесилось за двадцать девять лет после распада СССР?» – без осуждения подумал и вложил в трясущуюся ладонь вчерашнего красавца сто рублей. Как раз на бутылку водки. Низвергнутый авторитет восьмидесятых предупреждал об изменчивости прошлых ценностей, их недолговечности.

Брат ждал. На столе появилась тушеная лосятина с картошкой. Облепиховый чай, суповая тарелка с медом в сотах. Необыкновенное радушие не насторожило.

Разговор, как обычно, начался издалека. С местных новостей.

– Каждый день хоронят. Кладбище становится местом встреч живых, как раньше субботние базары. Недавно дерево ветром повалило и зашибло мужика. Родственники покойного судятся с мэром. Тот у нас молодой технократ. Повар по профессии. Чудные распоряжения издает. «Коров можно водить только по трем улицам, за веревку и в специальном наморднике». Иначе штраф. От прошлой профессии осталась любовь к собакам. Привык, работая в столовке, подкармливать костями. Это у нас неприкосновенно. Как на загнивающем Западе сексуальные меньшинства. Скоро, как на женщин, и обернуться нельзя будет. Засудят. Слово то странное, харассмент. Домогательство по-нашему. По субботам сам мэр патрулирует улицы с волонтерами из пенсионерок-учительниц. На камеру фиксируют нарушения. Кто в облагавших собак палкой или камнем бросит. Домогается, значит. Административный протокол. Полиции, их развелось невероятное количество, совсем тронулись. За переход улицы в неподложенном месте штрафуют. У нас и тротуаров-то почти не осталось! Задумали паспорта на улицах проверять. А чего их проверять? Все и так друг друга в лицо знают. Велик ли городишко! В общероссийские сводки попал двадцатилетний макаровец. Оказался держателем международного порносайта! Отделался штрафом в три тысячи. Коммунальщики словно с цепи сорвались. Тарифы каждый месяц повышают, а президент говорит инфляции нет. Конечно нет. Мы отключаемся от котельных, водопровода. Из благ цивилизации оставляем лишь электричество. Нет работы и платить нечем. Скоро, глядишь, как старообрядцы в скиты лесные побежим прятаться. Примеры имеются. Лешими их называют.

– Как ни приезжаю, ты критикуешь. Сначала коммунистов ругал, а хвалил демократов. Во всех разочаровался. Нельзя строить жизнь на одном негативе.

– Я неравнодушный, – примирительно улыбнулся младший брат.

– Почему не пойдешь на выборы мэра или местного депутата, неравнодушный ты наш? – подначил в свою очередь.

– Власть дается не любить, а давить. Не хочу участвовать в насилии над народом.

Михаил вспомнил деда по матери, обходящего стороною начальство:

– У тебя от деда Ивана передался ген страха перед государством. Ему простиительно. Три войны рядовым прошёл. Гражданскую, финскую и Отечественную. Пять лет ссылка в наказание за плен, бухгалтером на лесозаготовках. После зарекся на государство работать. В религию ушел, церковным казначеем. Говорил: «В России лучше за стадом ходить, чем стадо водить».

Наступила пауза, обещающая примирение. Их встречи обычно начинались проверкой взглядов.

– Не прибедряйся, – продолжил мирный курс Михаил. – Лосятинка, медок, картошка. Свое. Сплошная экология, не то что в большом городе.

Брат хитро улыбнулся:

– Не понять москвичам. Вы живете, а мы выживаем.

– Мне бы так выживать!

– Думаешь легко за пчелками ходить, мясо в лесу добывать? Я подсчитал, в прошлом году двести километров по лесу отбегал. Ладно спорить. Поехали смотреть квартиру, да оформлять документы. Ты еще не раздумал?

Михаил утвердительно кивнул. Последние сомнения, связанные с повышенным налогом для неместных, уже не отпугивали.

Через пять минут заезжали во двор каменного двухподъездного дома на двенадцать квартир. В советское время получить в нем жилье считалось престижно. Куст сирени, где когда-то стоял столик для домино, вымахал с целое дерево. На месте цветочных клумб появились автомобильные покрышки, покрашенные в цвета российского флага. Заросшая бурьяном детская площадка и почерневшие от времени хозяйственные постройки. Некогда белоснежный кирпич дома превратился в серую застиранную простыню. За скрипучей деревянной дверью общественного подъезда сконцентрировался резкий кошачий духан. Он, как взрывная волна, заставил отпрянуть.

– Непривычно? – поиздевался брат. – Верка держит с десяток кошек.

Верку помнил. Работала в единственном ресторане официанткой. Для него всегда находила хорошее бутылочное пиво. Было время тотального дефицита. Верка являлась одним из его хранителей. Так создавался местный авторитет. Никто и никогда не обвинил её в коррупции или конфликте интересов. Хоть и брала сверху за дефицит, но не со всех и по-божески. Выйдя на пенсию, устроилась на не менее «блатную» работу. Источником в единственный банк.

Брат уже подталкивал на вход родительской квартиры. Узкий коридорчик, зало, похожее на комнату для сумасшедших (с решеткой на окне), желтые голые стены и ярко красная гармошкой допотопная чугунная батарея. Покойный отец поставил ее для увеличения теплоотдачи. Котельная традиционно топилась на сырых дровах. Произведенный недавно бестолковый ремонт нельзя не заметить. Межкомнатные двери оказались без ручек. Половая доска у стены от прикосновения ноги разломилась пополам. В старых деревянных рамах щели с мизинец. С недоделками еще можно мириться. Что-то смущало. Из малюсенькой ванны вернулся в желтое зало. Глаза искали какую-то важную неисправность. Младший брат подсказал:

– Люстра не установлена.

– Блин, – встрепнулся старший Цветков. – Я-то думаю, чего не хватает? Это дело простое. Куда сложнее с полом. Видишь?

Он нажал ногой на половицу у печки. Доска легко поддалась нагрузке. Слегка застонав, обломилась.

– Извини, за всем не уследишь, – не желая признавать оплошности, проговорил младший. – Зато печки оставил. Отсоединишься от городской котельной. Так будет дешевле.

Неожиданно заупрямился и выдал:

– Ты денег на ремонт пола не давал!

– Как! – воскликнул Михаил. – Сумму за весь ремонт, включая пол и несделанные окна, перечислил.

– Тебе все не нравится! – закапризничал младший. – Приезжал бы да делал ремонт сам. Генерал! Я нанял бригаду, привозил и закупал материалы.

– На мои деньги, – тихо поправил Михаил, испугавшись внезапной агрессии родственника.

Ругаться и делить затраченные на ремонт сто тысяч не хотелось. Но потихоньку и сам заводился от несправедливого обвинения.

– Люстру, которую я привез, можно было повесить и ручки...

Брат неожиданно бросил на подоконник ключи со словами:

– Делай что хочешь. Мне здесь ничего не нужно!

– А мне нужно? – оторопел от такого сюжета Михаил. – Зачем же тогда соглашался на передачу мне квартиры? Я всего лишь хотел сохранить родительский дом! Жить-то я здесь всё равно не буду. Ты же сам просил об этом. Убеждал, содержать дорого. Я согласился оплачивать коммуналку при условии, что квартиру возьму в собственность. Какую-то сумму тебе компенсирую.

– Какую? – проявил неожиданный интерес брат.

– Договоримся. По справедливости, – попытался успокоить внезапное раздражение Михаил. – Сейчас не могу. У меня трудные времена. Может завтра вовсе без работы останусь. Поехали в администрацию оформляться.

Брат нехотя забрал с подоконника ключи, не найдя что ответить. Москвичей не жалел, а тихо ненавидел. Участь обделенного жить с затаенной злобой.

– Сначала в налоговую, там какие-то проблемы, – загадочно предупредил.

– Ну вот опять, – снова начал раздражаться Михаил. – А зачем тогда за пятьсот верст вызывал, если к оформлению ничего не готово? Говорил же ...

Махнул рукой. Разгоряченные неприятным разговором братья выскочили на улицу.

В налоговой оказалась задолженность около четырёхсот тысяч. На неоплаченную за несколько лет коммуналку, какие-то штрафы. Сложив настоящие и будущие финансовые траты, Михаил обнаружил, что их сумма равняется стоимости новой квартиры. Возникло подозрение о втягивании его в сложную мошенническую схему. Опасения подтвердились. На квартиру по решению суда наложено ограничение по сделкам. Одним словом, арест. Оказалось, пять лет назад, брат под родительскую квартиру взял в банке кредит и не собирается его отдавать.

– Ты же знал и мне не сказал, – тихо и растерянно обратился к самому близкому родственнику.

Тот только отвел в сторону бегающие глазки. Молчал.

С обидой подумал о человеческой хитрости и коварстве. Вовремя остановил нарастающее озлобление, желание бросить, как брат, ключи на подоконник. Неожиданно вспомнилось прочитанное в учебнике по маркетингу чудное определение – дауншифтинг. Способ безжалостно бросать наработанное, начиная все с нуля. В значении этого слова скрывался тайный смысл и его успешности в службе. Открытие сделал недавно, хотя раньше интуитивно следовал данному правилу. Опробовал которое в шестилетнем возрасте. Плохо плавая, переплыл реку, чуть не утонув. Результат стоил риска. Почувствовал себя взрослым, а у друзей заслужил уважение. Бросать наработанное и начинать с нуля отныне стало правилом.

– Возьмите квитанции на оплату коммунального долга и штрафов. Оплатите, выдам справку о неимении задолженности. С кредитным учреждением решайте сами, – доброжелательно подсказала девушка-налоговик, возвращая в реальность.

Брат, как при входе в пахнувший кошками подъезд, от её слов отшатнулся. Тогда девушка растерянно посмотрела на Михаила, который, напротив, сделал шаг навстречу. Взял квитан-

ции, твердо решив идти до конца. Сейчас же оплатить задолженности и позвонить руководителю областного филиала банка. В надежде решить и эту проблему. Только сейчас понял, почему «родственник» не устраивался на муниципальную службу. При такой кредитной истории двери в госучреждения закрыты. Сделалось жалко брата, которого с детства оберегал, наставлял. Книжки умные присылал, бескорыстно передавая обретенные знания. Раскрылась тайна необычного приема с тушёной лосятиной и медом в сотах. Явно тяготило налоговое бремя, но стыдился рассказать старшему Михаилу, попросить помощи. По – другому взглянул на его жизнь. «На что же он существует? На меде от пасеки далеко не уедешь», – сам и ответил на поставленный вопрос.

Неожиданно родительская квартира, хлопоты по её оформлению стали мелкими, второстепенными. Родному человеку требовалась срочная помощь и он её окажет!

Через десять минут долги оплатил и позвонил в банк. Знакомый обещал помочь и даже подал надежду: «Возможно списание задолженности при согласии сторон».

Сергей особенно крепко пожал ему руку, предложив поужинать. Михаил отказался. Ждали друзья детства.

Тогда же у младшего брата с женой состоялся короткий разговор.

– Ну как? – поинтересовалась женщина итогом встречи с московским родственником.

– Долги оплатил по налогам и коммуналке.

– Ну и что теперь?

– Как вступит в собственность, отдаст мою долю.

– Как скоро и сколько?

– Не обсуждали.

– Милый! Избавляйся скорее. От нее одна морока. Сам же ругаешься. Отопление три тысячи, коммуналка и свет тоже три. Твоя зарплата сторожа десять тысяч. Зачем такое разорение?

– Согласен. Скорее бы. Деньги от продажи квартиры потрачу на покупку Камаза-мусоровоза. Надежная машина. Скоро откроют областную свалку. Всех обяжут туда мусор свозить. Буду на перевозках зарабатывать. С мэром договорился. От Макарова до Чухлово всего-то семьдесят кэме. Думать нужно наперед, а не жить сегодняшним днем!

Перед встречей с друзьями детства Михаил зашел в магазин купить бутылку водки. Сразу стал случайным свидетелем перепалки некогда известных в городе людей: бывшего второго секретаря правящей тогда партии и начальницы городского ЖЕКа. Сегодня первая числилась в активистках местного отделения компартии, вторая – директором кладбища.

– Коммуняга, привет! – обратилась пятидесятилетняя Любка к сухонькой старушке перед витриной мясных изделий. – Что, колбасу покупаешь своему партлидеру, Кольке Сутягину?

Не получив ответа, аккуратно уложила в давно вышедшую из моды сумочку бутылку водки и кусок колбасы, объявив на весь магазин:

– Пойду на работу, там и выпью.

Семидесятилетняя «коммуняга» со страхом взглянув на директора кладбища, прошептала:

– На могилке, с покойниками будешь выпивать?

– Пойдем со мной! Боишься? – вызывающе бросила Любка, сузив пьяные глаза, отчего стала похожа на вышедшую из лужи ободранную кошку.

Наступили сумерки. Пока Михаил ехал по неосвещенным безлюдным улицам несколько раз машину преследовала свора собак. От осознания встречи с четвероногими друзьями один на один, да в темную ночь, становилось жутковато.

Вот и Валовая. Именно здесь Михаил родился. Сорок восемь лет назад. Как в песне:

«На свете много улиц славных,

Но не сменяю адрес я.

В моей судьбе ты стала главной,

Родная улица моя»!

С печалью вспомнил о смерти любимой бабушки. Осталась короткая записка на листе ученической тетради: «Любимому мнучику Мише дарю десять рублей. Купи себе чаво пожелаешь сам». Мать с отцом поругались почему-то из-за бабушкиного завещания. Наверное, она им не оставила денег. Когда умер дедушка, опять ругались. Он вообще не оставил завещания на наследство. В итоге родственники долго делили собственность, да так и продали родительский дом.

Сейчас на улице живет друг детства Сашка Марков. Родительский дом он сохранил. В почерневший от старости пятистенок приходит раз в неделю, как кладоискатель, только богатства не было и нет. Мишка еще раньше уяснил истину о бесполезности копить деньги и строить дворцы. Покойный отец подтвердил догадку, как-то показывая на щеголеватого мужичка в модных белых войлочных сапожках. С непременным маленьким чемоданчиком подарков иногда заходил к их одинокой соседке. «Самый счастливый человек, – выдохнул завистливо отец, – ничего не имеет кроме чемоданчика! Знает тайную истину, в браке для мужчины не существует собственности»! Отец мудро угадал опасность стремления к обладанию собственностью, накопительству. В первую очередь для мужчин. Женщины их поощряют, чтобы остаться с теми, кто дает удовольствие, комфорт, безопасность. «Впрочем, женщина – это космос», – сказал знакомый художник Костя Горбунов. «Мужичка с чемоданчиком» маленький Михаил больше не видел. Посадили директора асфальтного заводика за растраты, а соседка превратилась в никому не нужную старушку-брошенку. Так уяснил еще одну истину о недолговечности авторитетов и общественных ценностей.

За воспоминаниями не заметил, как подъехал к Сашкиному дому.

– В урбанизации свои плюсы. Больше для тех, кто собрал народ в кучу и давай грузить налогами «на воздух» и землю, – мысленно похвалил себя за решение обосноваться на родине, – только здесь понимаешь какое это счастье – бесплатная парковка.

Оставив машину на широкой обочине, подхватив пакет с подарками, нырнул в Сашкин дворик. В темноте сеней не сразу нащупал ручку. Толкнул дверь и попал в пространство яркого света. Колька Головцов, Ванька Торбеев и Сашка Марков встретили пьяно и радостно. На кухонном столе одна уже пустая и новая початая бутылки водки.

– Мы, вот, не дождались и начали, – попытался оправдаться Колька.

От умственного напряжения коричневая кожа на голове сморщилась, а паутинки венки над висками превратились в высохшую гроздь винограда.

– За-мо-лол, – зашипел по-доброму Ванька.

Худой и сгорбленный, словно полжизни работал прикованным к каторжной тачке. Пережил два инфаркта, один развод, десятка два капельниц от запоя. Другой друг, Сашка, слегка боднул говорливого Кольку большим брюхом. Шагнул к Мишке, сгребая в объятия.

Колька не обиделся и приступил к самому важному. Разливать водку. Выпили. Еще и еще. Разговор не клеился. Инициативу снова взял Колька Головцов:

– Не понимаю, зачем тебе, Мишка, возвращаться. Мы же не живем здесь, а выживаем! На пособие по безработице, отсюда и пенсии мизерные. Ведь от зарплаты начисляется. Бабы не любят безденежных. Дети матерей защищают. Я, как пьяный прихожу домой, так сын сразу же вызывает полицию. Ещё утром проверяет, в камере ли я. Пацанёнок-сержантишко норовит оштрафовать за брошенный окурок, что поссал на забор, за переход улицы. А урн, туалетов и тротуаров в городе нет! Хорошо хоть воздухом дышать разрешают.

– Замолел Колюха, – прервал друга Ванька Торбеев. – Скажи спасибо, вино пить не запретили! А то воздух!

– Да и баб любить не отменили, – хохотнул Сашка Марков, прозванным за любовь к женскому полу «ходоком». – Расскажи лучше, как вчера с Торбеем свататься ходили. К Вальке, молодой пенсионерке, что из Москвы переехала.

Колькины глаза оживились, улыбка старого проказника распрямила кожу на лице. Хулигански матюгнувшись, начал рассказ:

– Я женатым только числюсь, а Ваня разведен. У нас так полгорода живет. Терпят друг друга. Деваться – то некуда. В общем, выпили вчера слегка и решили идти свататься. Невеста хоть и постарше на лет пять, но ухоженная. Упакованная, значит. Молодо выглядит. В Москве работают в кабинетах, а не в лесу, как у нас. Кожа у Вали румяная, волосы короткие, в ушках алмазы, на шее золото. Единственный недостаток, тощевата. С диеты, как наркоман с иглы, не слазит. Зашли, представились. Я «быка за рога». У нас молодец застоялся, что конь в стойле. Ваню нахваливаю, а сам не прочь поджениться. Она на меня глаз и положила. Смотрит, не отрываясь.

– Замолел, – огрызнулся Торбей. – На меня смотрела, а ты молел пьяную чушь про богатое наследство. Звал Вальку в Челябинск, где тетка подписала тебе двушку. Так домолелся, что чаем нас угостила, да и выпроводила. Про квартиру врал! Сам рассказывал, как жена тебя напоила и заставила переписать теткино наследство на сына. Нищий ты, как и я!

Воспоминаний, как раньше бывало, не получилось. С трудом выпроводил разругавшихся друзей.

По привычке поднялся рано утром. За стенкой раздавался бурлацкий Сашкин храп. Прибрал стол, помыл посуду. Оказалось, трое пятидесятилетних пацанов выпили не три, а четыре бутылки водки!

– Правильно, Михаил, привыкай к своему дому, – раздался за спиной сиплый Сашкин голос.

– Пьяный был, а помнишь, как дом продавал.

– Ну, дак, как гусак, – выпятив брюхо загордился Сашка. – Всё пропьем, но родину не опозорим!

– Пошли покажу подвал, – настаивал хозяин, – увидишь собственными глазами. Ничего не сгнило.

Мишке и не нужен старый дом, но не обижать же товарища. Что ему вчера по пьяни – то померещилось? Полезли в подпол, оказавшийся на самом деле сухим.

– Видишь, какой глубокий, – гордился Сашка, – отец покойный держал зимой улы. В том углу.

На короточках засеменял к мрачному пчелиному месту. Раздался глухой удар Сашкиной головы о половую балку и вскрик: «Ё-мое»!

На друзей посыпалась древесная труха. Вылезли из подвала. Долго отряхивались.

– Чердак и крышу полезем посмотреть? – смущенно предложил товарищ.

Михаилу хотелось скорее прекратить дальнейшие исследования. Интерес к полусгнившему дому потерял безвозвратно. Добил Сашку вопросом, после которого продажа дома приостановилась.

– Запах в прихожей. Чувствуешь?

Сашка шумно начал втягивать волосатыми ноздрями воздух.

– Несет из расположенного в терраске отхожего места, – поставил диагноз Михаил, – а чистите каким способом?

– Ковшом, – не подозревая подвоха, отвечал хозяин старого дома, дурно вращая похмельными глазами. – Не руками же. Ковш закреплен на жердь. Отходы человеческой деятельности в грядку. Нет лучше удобрения! Так всегда делали наши родители.

– Понятно, – для Сашки несправедливым приговором прозвучало единственное слово друга детства.

Сделка не осуществилась. Сгладил неприятный для друга отказ похвальбой:

– Раз в месяц летаешь в Кемерово на вахту. Шахтер! Смотри, какой молодец! Деньги у тебя водятся, вот и восстанавливай родительский дом на радость горожан. Чем не вклад в будущее. Только поменьше пей водки!

– Миша! – резво откликнулся Сашка. – Не для кого восстанавливать. Сын будет жить в Москве и не дай бог сюда вернуться! Тут же ни канализации, ни водопровода. Сам я, видать, недолго протяну.

Товарищ закашлялся и выплюнул черную слюну в раковину.

– Шахтерская болезнь у меня, называется «черные легкие», – грустно резюмировал Сашка, – а водка растворяет угольную пыль в организме. Пить-то приходится по медицинским показателям. Да, что обо мне. Вот у Кольки Головцова вообще рак обнаружили!

В этот миг Мишка вспомнил прошлогоднюю встречу с одноклассниками. В свое время успешными считались оставшиеся на родине. Получали квартиры, родительскую собственность. По субботам банный день, ужин в кругу родных. Тихая семейная жизнь. Уехавшие за лучшей долей в большие города обрекались на тяжелый труд. Скоро ценности поменялись. Новые горожане купили квартиры и построили дачи, компенсировав неустроенность молодых лет. Оставшиеся на малой родине, вдруг оказались лишенцами. Без работы и как следствие – пьянство, развал семьи. Горожан, напротив, под старость тянула родная земля. Кислый, как квашенная капуста воздух, казался сладким Пломбиром. От того зловеще воспринималось предупреждение: «Можно в те же вернуться места, но вернуться назад невозможно...»

В планах оставалось посещение Мишки Гречухина, известного в городе столяра и плотника. Для Цветкова он являлся примером стойкости. Тот часто падал, поднимался и снова падал, чтобы занять место в строю жизни. Не растерял, а только приумножил качества надежного парня с улицы Вальной. Дом Мишки походил на русский терем, с витиеватыми узорами наличников, с боярским крыльцом, сказочными деревянными фигурками во дворе. Ранимая душа поэта, требовала самовыражения и признания. Хозяин обнял друга детства и заплакал, повторяя по несколько раз, – Мишка, Мишка! Давай сходим на угор к «красной будке», там Унжа такая красивая, страсть!

До Цветкова наконец дошло, что в прошлое его тянет чистота человеческих отношений, которая удивительным образом гармонирует с местной природой. Комок жалости к самому себе подкатился к горлу, так что впору задохнуться. Выступившая слеза сняла душевный спазм. Память выхватила соответствующие настроению есенинские строки:

«Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник,

– Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.

О всех ушедших грезит конопляник

С широким месяцем над голубым прудом».

2

Полный мужчина с крупной головой, посаженной на широкие плечи, походил на носорога. На бычась, наблюдал за ленивой суетой двух взрослых парней. Они безуспешно пытались вытащить старый столб, что гнилым зубом торчал посреди двора в окружении трёх свежих приземистых построек. На месте огорода, за домом, обнесенный в одну доску загон для скота. Над мини фермерским хозяйством возвышался двухэтажный дом из светлого цилиндрованного бревна. С водостоков крыши до самой земли свисали похожие на морских змей железные цепи. Старинный способ отвода дождевых вод.

Столб окопали по периметру, но никак не могли вытянуть. Переминаясь с ноги на ногу, как утка, рядом находившаяся женщина не выдержала первой:

– Да спилите его к лешему! Так целый день провозитесь, а ещё двор чистить. Коровы не доены.

Пожилой хозяин походкой носорога направился на работников. Те, не сговариваясь, бросили непосильное занятие. Расступились. Полный мужчина обхватил руками бревно. Прижался к нему щекой, слово к любимой женщине. Постоял так минуты три и медленно-медленно начал вытягивать из ямы. Работники увидели его огромные жилистые руки, оголенные по локоть. Холки ладоней покраснели, а чувствительные пальцы слегка пульсировали на чёрном теле мёртвого бревна. Как только столб сильно наклонился, богатырь нехотя ослабил хватку. Затем медленно отступил.

– Сколько работничков не корми, все не в прок, – бросил с упреком в сторону мужиков, – выгону на хрен!

– Куда нам с тобой, профессор, тягаться, – восхищенно пробасил человек с красным лицом.

Другой участник добавил с сильным акцентом:

– Геркю-лесс!

– Ты, Васька, с утра нетрезв, – с упреком обратился профессор к краснорожему, – скоро надоест тебя воспитывать.

– Профессор! Васька, яхши, – вступился второй работник, – Васька хороший.

– Сухроб, помолчи! – устало прикрикнул профессор. – Грузите хряков в тракторную тележку. Повезем на бойню.

– Зачем деньги платить чеченцам? Сами заколем, – руками изображая предстоящий процесс, возмущенно предложил Сухроб.

– Заколет он, – пришла очередь возмутиться профессору. – Во-первых, начальник скотобойни не чеченец, а молдаванин. Во-вторых, без клейма мясо не продадим. Тридцать процентов от стоимости туши приходится отдавать за справку ветеринарного контроля. Грабители! Да еще жалоба, будь она не ладна. Воздух я им в поселке испортил.

Хозяин поселковой фермы тяжело повернулся в сторону дома. Прошил, что выстрелом, недобрым взглядом. Хорошо знал больные места и недоделки. Из-за неправильно сложенного фундамента покосилась терраска, пол в середине вспучило, отчего с трудом закрываются двери. Красивые при покупке строганные бревна, через пару лет потрескались. Дерево не созрело, вот его и крутит, потому, как сруб не выстоялся. Сырым загнали под крышу. Косяки лезут и лезут. Доверился местным умельцам. Сплошной обман! Работают по-шабашному, а цены дерут по-московски.

За спиной завизжали потревоженные хряки. Профессор-фермер тяжело повернулся в сторону хлева. Десяток свиней, три коровы и два бычка, козы, утки. Больше года создавал хозяйство. Одна жалоба поставила крест над мечтой.

Род Улыбиных давно обосновался на берегу лесной речушки Чухловка. В древности здесь проживало финно-угорское племя чудь. Ушлый народ, неосознанно применив ребрендинг, пытался изменить историю. С советских времен позиционировали себя овощеводами. До революции, напротив, славились свиноводством. Свиней здесь называли «чух-чух». Отсюда, мол, и Чухлово. В новой России бывшие крестьяне омещанились и обленились. Дешевле оказалось купить китайскую свинину и турецкие овощи, чем самим выращивать. О ребрендинге больше не вспоминали. Вошли в ленивый дауншифтинг.

Отец первым нарушил семейную традицию животноводов-овощеводов. Дослужился до главврача поселковой больницы. Младший сын пошел по стопам родителя. После окончания медвуза вернулся в родную поселковую больницу. Профессор-земляк во время отпуска подметил толкового паренька, взял в московскую клинику. В двадцать шесть лет – кандидат, в тридцать – доктор медицинских наук. Авторитет пластического хирурга. Слава о волшебных руках доктора Улыбина докатилась до родной Чухловки. Лечил, спасал, возвращал к полно-

ценной жизни. Денег с земляков никогда не брал. Благодарили грибами, ягодами, соленостями домашними. Дача в Подмоскowie, семья, внуки. Весь набор жизненного успеха. К шестидесяти годам зов предков возобладал над здравым смыслом. Возможно, таким образом компенсировал прежнюю активность? Перенаправлял энергию в другое русло. По себе знал, медицинское солнце грело все больше молодых и беспринципных.

– Эга, – прервал воспоминания ласковым обращением Сухроб, —чушки в машине. Когда выезжаем?

Профессор неспешно махнул в сторону ворот, тяжелой поступью направляясь к автомобилю. В его основательных движениях не было ничего лишнего, случайного. Казалось, бережно несет в руках скальпель хирурга.

Трактор с тележкой в сопровождении светлого джипа медленно двинулись по улицам райцентра. По пути их весело обгоняли редкие приземистые семерки и торпедовидные вазы-пятнашки. Машина и трактор, миновав огромную лужу, въехали в никем не охраняемый двор. Всюду стояла старая техника, валялись кучки ржавого металлолома. Улыбин, перепрыгивая колеи, неспешно достиг одноэтажного беленького здания конторы. Внутри пахло домашними цветами, уютом. Узорчатые обои, мягкий свет неоновых ламп, приветливые лица немногочисленных сотрудников. Его здесь знали и уважали.

В приемной начальника районной скотобойни за компьютером работала полная женщина. Пять лет назад удалял ей на правой груди опухоль. Улыбин помнил каждую свою больную. Поприветствовал. В ответ мило улыбнулась, заговорчески подмигнув. Без стука открыл дверь начальника конторы. Небольшая комнатка-кабинет. На столе три аккуратных стопки деловых бумаг. Чернобровый мужчина чуть приподнял модные узкие очки. Не обращая внимания на вошедшего, продолжил изучать документ. Профессор застыл в ожидании. Наконец, начальник скотобойни отложил бумаги в одну из стопок

– Здравствуйте, профессор. Присаживайтесь, – натянуто-доброжелательно предложил чернобровый.

– Привез двух хряков. Дайте команду побыстрее заколоть. Счёт ещё выписать на оплату. Можно ли цену поправить? Слишком дорогое удовольствие – за справку ветконтроля отдать тридцать процентов от прибыли.

Черная водолазка впилась в жилистые плечи начальника скотобойни. Обозначилась натренированная мускулатура. Чернобровый слегка приподнялся с кресла. В его движении чувствовалась реакция боксера.

– Профессор! – требовательно и резко воскликнул хозяин кабинета. – Не провоцируйте! Вы находитесь на территории муниципального предприятия. Каталог утвержден свыше, и не в моей власти его изменить. Впрочем, ...

Спортивный мужчина быстро черкнул на бумажке и молча протянул обрывок листка. Фермер тут же отсчитал двадцать тысяч рублей. Молча, с благодарностью в глазах, передал деньги. Договорная цена устраивала и составляла не тридцать, а пятнадцать процентов от стоимости будущего мяса.

– Я тебя поддержу, – загадочно проговорил начальник.

Сморщил недовольно лицо в ответ на растерянность профессора. Узкие губы до ушей растянулись в неискренней улыбке. Отсчитал несколько тысяч от улыбинских денег.

– Беру всего семь процентов, остальные возвращаю. У тебя же завтра суд, профессор.

Улыбин и забыл о предстоящем судилище. Мысли были заняты, как с минимальными потерями распродать домашних животных. На случай, если суд их арестует. Или его самого возьмут в кутузку. Неважно, всё равно животные пострадают. Оставить решил двух тельных коров, да одну свиноматку. Начальник словно уловил его мысли:

– Будешь продавать животину, сразу ко мне. Деньги имеются. Рядом со скотобазой землю прикупил да хлев построил. Тут же животноводческая база и бойня. Все должно быть в одних,

профессиональных руках. А ты профессор, своим делом занимайся. Людей лечи. Договорились?

Неместный директор нагловато заглянул в глаза Улыбину, протянув деньги.

С хирургической точностью в уме сделал моментальный подсчёт. Предпринимательская жилка имелаась.

– Десять миллионов.

Противная сторона не ожидала столь скорого ответа. Хозяин кабинета углубился в кожаное кресло. Профессор с простоватостью прирожденного хитреца добивал:

– Посуди сам. Стада коров, свиней, коз – элитные. Австралия и Англия. Оттуда их выписывал. У земляков поросята двести кг не набирают, а у меня доходят до полтонны. Англичанки молока дают в десять раз больше местных коров.

– Ладно, ладно, – примирительно закивал скотобой, – за элитными и уход нужен элитный. После суда приходи и обсудим твои миллионы. «Не бойся суда, а бойся несправедного судьи» говаривали старые люди.

– Не в суде дело. В наших местных завистниках. Сами давно побросали личные хозяйства! Нашёлся в моем лице дурак. Работать начал у всех на виду, да ещё деньги зарабатывать. Вот сосед жалобу написал, как в тридцатые годы. Донос. Видно, в крови у нашего народа зависть и вредительство к ближнему.

– Есть такое дело, – поддержал скотобой. На прощание доверительно посоветовал: – Хорошо заплати адвокату.

Выходя на улицу, Улыбин охарактеризовал чернобрового молодца, как специалиста давить на жалость и гадить за спиной. «Придумал же, рядом со скотобойней разместить личное фермерское хозяйство! – ругался про себя профессор, – может, он в сговоре с соседом-доносчиком? Позарился на элитную скотину?» Пришло неожиданное открытие. Экологическая служба, подавшая в суд, заодно с директором скотобойни!

«Конкурента в его лице нашли. Устранить собрались через суд. Где же государство, призванное стоять на стороне закона и справедливости?» – всю дорогу к дому возмущался Улыбин. Обратиться за общественной поддержкой через Одноклассников в Интернете боялся. Еще хуже будет. Обвинят в подстрекательстве на выступления против власти. Вдруг его осенило. Государство состоит из разных людей. Значит, он и есть государство! Службы ветеринарного, экологического контроля, суды, приставы, налоговики, полицейский, феебешники, армейцы и наркоконтроль, пожарники, гаишники созданы для Улыбина. Именно для такого сложного случая, как у него. Работая скальпелем в живом теле не спрашивал советов. Промедление могло стоить жизни больного. Не боялся ответственности, а сегодня растерялся. Скотину задумал порушить, сдать.

Поднялся по скрипучей деревянной лестница в рабочий кабинет. В ногах предательская дрожь и покалывание в ступнях. Первый признак повышенного в крови сахара. Не сразу среди вороха справок, писем с напоминанием оплаты нашёл записную книжку. Телефонный архив за много лет. Начал с обязанных ему, надеясь на ответный шаг. Губернатор? Оперировал жену. Явно не знает, что творят подчинённые. Позвонить в приемную. Генерал? Вечно занят. В Москве. Бесплезно. Полковник местного ФСБ? Недавно сестру оперировал. Их бояться. Позвонить. Адвокат? Обещал вечером приехать. Жду. Зам губернатора соседней области? Друг по охоте. Обязательно поможет. Позвонить. Глава электросети области, Женя-строитель, Марина-областная депутатка, глава Чухлово...

Действовал по русской пословице, «пришла беда, открывая ворота». Надеялся на отзывчивость и взаимопомощь. Этим людям два дня назад звонил, получив заверения о личном прибытии и поддержке. Именно сегодня.

Улыбин вышел во двор. Осеннее небо заволочло пепельного цвета облаками, темнело. В воздухе пахло первым не выпавшим снегом.

Искал Сухроба, которому следовало поручить приготовление шашлыка из баранины. Не помешает для дорогих гостей и фирменное блюдо. Сладкий узбекский плов с изюмом.

– Сухроб не вернулся из поселка, – подсказала Татьяна, домработница и доярка.

Вспомнил. Сам же отправил сдавать на базар мясо. Выручку ожидал солидную, тысяч триста. Как раз половину суммы на гонорар адвокату. Двадцатичетырёхлетнему узбеку, работающему второй год, доверял. Несколько дней назад тот сдал документы на продление миграционного патента. На следующий год. Потому за сохранность денег не волновался. Куда денется без паспорта?

Пришлось плов Татьяне перепоручить. С некоторых пор не хуже Сухроба готовила чужестранное национальное блюдо. Тридцатипятилетняя чухловчанка вместе с мужем работали на ферме. Детей у них не имелось. Васька находил счастье в бутылке. Улыбин подозревал в том грехе и Сухроба. Несколько раз видел, как тот покупал Ваське палёную водку. Татьяна проявляла полное безразличие к поведению мужа. Местные рассказывали, в его отсутствие женщина ночевала в старом доме вдвоем с молодым узбеком.

Через час на кухне урчало и шкворчало. Из объемной кастрюли, используемой вместо чана, выходил пар с крепким запахом баранины. Огородной свежестью пахли нарезанные огурцы и помидоры. Чухловской лук, величиной с южную грушу, аппетитной горкой ожидал нарезки. Единственное место, где на северных землях выросал салатный Крымский. Благодаря сапропелю, урожай овощей никогда не зависел от погоды. Особенно удавались помидоры. Сочные и чуть рыхлые, похожие по вкусу на бакинские. Планировал организовать промышленную добычу ценного природного удобрения. Местные жители относились к «илу» равнодушно. В заводях лесной речки доставали его обычными вилами для удобрения местных огородишков. Улыбин додумался до покупки земснаряда и постройки цеха, где просушенный сапропель расфасовывали бы в пакеты. От нового бизнеса ожидал прибыль большую, чем от животноводства. От последнего, в силу низкой рентабельности, планировал отказаться вовсе. Рассуждал прагматично: «тяга к деревенскому прошлому обернулась массовой застройкой Подмосковья. По весне, не случайно, на каждом углу предлагают саженцы, семена, рассаду, удобрения. Рынок огромен. Около тридцати процентов населения страны живут в одном мегаполисе. В границах древнего Московского княжества».

На улице совсем потемнело. Зябкий октябрьский дождик предательски затянулся. «Значит, завтра в лес не въедешь. Размягчит расслабившую в ожидании заморозков землю», – подумал с сожалением Улыбин. Торопился согласовать с мастером окончательный план расположения будущего сапропелевого заводика. Строительство намечалось на весну следующего года. Зима, самое время для доставки стройматериалов.

Стрелки часов показывали шестнадцать с четвертью. Молчал телефон. По крыше безнадежно и монотонно барабанили капельки небесной воды. Профессор посмотрел на небольшую икону с изображением Спаса Нерукотворного. Вручая образ Иисуса Христа, монахиня Паисиево-Галичского монастыря, предупредила: «Молись и кайся в тяжёлое для тебя время». Поразило тогда другое. Икону писал беспомощный инвалид, безрукий и безногий крестьянин. Зубами! Улыбин торопливо перекрестился, пристыженный минутной слабостью. Желанием переложить свои проблемы на других. Второй голос призывал к коллективизму, опоре на друзей. «В одиночку трудно побороть сплочённого противника. Все равно, что крошечной птичке взлететь. Маленькие крылья требуют больше усилий», – пришла на память мудрая притча.

В прихожей раздался лёгкий шум. Точно, кто-то приехал. Давление выравнивалось. В домашних тапочках и свободной клетчатой рубашке навypуск встречал первого долгожданного гостя. Им оказался Михаил Цветков.

– Макаровские приехали, – шутливо приветствовал земляка.

– Капустники, тогда уж добавляй, – в том же тоне отвечал Михаил.

Из старины повелось населённым пунктам, как и людям, давать неофициальные названия, прозвища. Чухловцев называли «чухами», Макаровских «капустниками», Унжаков «фараонами», а жителей Гребенца и вовсе «бобиями». Пережитки крепостного прошлого? Тогда крестьянам помещики давали клички, вместо имён.

Друзья не сговариваясь уселись за массивный деревянный стол. «По единой» выпили местной самогонки. Демонстративно отставив в сторону шотландский виски и столичную водку. Не терпелось высказаться, поделиться с близким человеком. С возрастом сложных ситуаций прибавлялось, а число надёжных товарищей, напротив, уменьшалось.

Стараясь соблюсти корректность по отношению друг к другу, не начинали с себя. Вопрос вырвался синхронно: «ну, как у тебя?»

Рассмеялись и выпили ещё «по единой». Первым не сдержался Михаил:

– Родина меня не принимает.

– Что так? – посерьёзнел Улыбин, – требовательнее стала? Помнишь, как в момент передачи благотворительного груза нам ответил директор чухловской школы? «Не привозите больше поношенной одежды, лучше деньги». А мэр областного центра на предложение москвичам из землячества поработать в городской администрации, что сказал? «Инвесторов приводите, а деньги освоим без вашей помощи».

– В семье не без урода, – отмахнулся Михаил. – Брат предложил выкупить родительскую квартиру. Оказалась арестована за невыплаченный кредит. Под неё брал. Ты знаешь главного областного банкира? Обещал оформить отказ от претензий. Так что родина не причём. Люди двери открывают, а не ветер!

Цветков внимательно осматривал стены профессорского дома. Несколько грамот от детских садов, областных учреждений в адрес землячества. Большая стопка их сложена на угловом журнальном столике. Фотографии в рамках. По ним можно определить географию общественной деятельности. Десять лет профессор руководил организацией. Он – его бессменным замом. Денег на содержание у власти не просили. Выбранная тактика позволяла решать вопросы простых людей, не оборачиваясь на областное начальство. После них секретари землячества числились на должности советника губернатора. Председатели так же не бескорыстно расставались с самостоятельностью. Добивались личных привилегий в виде почётных и заслуженных регионалов. Всё прибавка с будущей пенсией.

Взгляд остановился на массивном деревянном гербе атомной подводной лодки. Налаживали шефство. Писали в минобороны письма о присвоении почётного наименования в честь областного центра. Морякам женское имя не нравилось. Убедили. Строгий вымпел подшефной ракетной дивизии. В виде детского флажка, одноименной с областью погранзаставы в Карелии. Всё инициатива Улыбина и его. Милый детский рисунок. Большой шар, а в нём домик: девочка, мама и рояль. Без папы. Это они с Улыбиным в девяностых посещали чухловскую музыкальную школу. На улице мороз под тридцать, в здании чуть теплее. Котельная без угля на сырых дровах. Война в Чечне, мизерные зарплаты бюджетников. Отмечают юбилей школы. Её построил купец Чижов для талантливых детей бедняков. На столе домашняя закуска: салаты и соленья. На десять бутылок водки одна красная. Улыбин здесь в детстве учился играть на баяне. Песню даже сочинил про Чухловку. Курят прямо за столом, стряхивая пепел в чайные блюдечки. Два мужика среди царства женщин. Молодых и старых, и не очень. Бум переезда в Москву только начинается. Он сродни колбасным поездкам в столицу в советское время. Поэтому на москвичей смотрят с придыханием. Профессор не разочаровал земляков. Под конец вечера каждой учительнице выдаёт по двадцать долларов. Глаза светились не благодарностью, а зелению американской валюты. Тогда ещё отметил любовь провинциалок к потребительству. Моральные принципы? Где сейчас, после двадцати лет, прошлые ценности? Подводную лодку списали на «иголки», ракетную стратегическую орденоносную дивизию расформировали, музыкальную школу в поселке закрыли из-за ветхости здания.

– Послушай мою историю. Про малую родину.

Михаилу не понравился угрожающий тон профессора с особым подчёркиванием, «про малую». Так диктор на телевидении предупреждает о надвигающейся непогоде.

– С год, как хозяйство растёт, – продолжал Улыбин, – казалось бы радоваться. Да, нет. Многим не понравилось. Может зависть? «Мы домашнюю скотину давно порезали на мясо, а тут умник нашёлся!» Был бы я не москвич, наверное, не так ополчились. Сосед, товарищ по работе в местной поликлинике. Тогда ещё. После меда. Донос написал экологам. Аллергия у него от запаха коров. Ещё покойный отец предупреждал, «на подхалимство и ложь толкают гены». Батяка его Степан Дворников доносами промышлял. А дед во время войны, мастером в лесу работал. На заготовках. Без одной руки был, потерял по детской шалости. С родственниками моими дружил. У тех семья человек десять. Хозяин на фронте без вести пропал. Нашёлся в сорок третьем. В плену немецком. Через Красный Крест весточку прислал. Выведаль про это у глупого ребенка «безрукий» и донёс в органы. Проявил сознательность, а многодетную семью лишили хлебных карточек на воющего кормильца. Пусть, мол, немцы его самого и семью кормят. Сын «безрукого», уже после войны, поселковой мехколонной командовал. В папашу пошёл. Заявил в милицию о воровстве из собственного кабинета самого тогда ценного – Красного знамени победителя соцсоревнования. Так и не нашли. Только после развала Союза выяснилось, в гараже у него за место ковра висело. Сам у себя, получается, и упёр. Совсем свежая история. Опять жалоба, только уже от его сына. Теперешнего моего соседа и однокурсника по медвузу. Сначала запах навозный не понравился. Заявление в суд строчит. Потом его городской внук увидел мою корову и сознание потерял. Бред сивой кобылы. Какой-то немец говорил, чем наглее ложь, тем проще в неё поверить.

– Брось, выдумываешь! Кто на тебя ополчился? – попытался унять профессора-фермера Михаил, – наоборот, сочувствуют. Не понимают, какая нужда заставила профессора поросят выращивать. Лечил бы людей. Делал чего получается. А?

– Я и лечу! Только не в государственном медицинском центре, а выживаю за счет частной практики. Кто меня выдавил? Те же завистники, желающие зарабатывать на больных. Опасен для них, потому как денег не вымогал. Знают, «белая ворона» по-своему и каркает. В результате государственный центр превратили в семейный. Детей поставили заведующими кафедр. Родственников – их замками и завхозами. Горские евреи, все за одного! Не то что мы, русские. Нагадить соседу для нас милое дело. Наконец, следователи пришли. Открыли страшную тайну! Десяти лет не прошло. За одну и ту же операцию берут деньги дважды, с государства и больного.

Профессор жалобным взглядом уставился в сторону входной двери. Некогда отполированные до блеска доски, сегодня поблекли, подобно взгляду больного. На потемневшем дереве выделялись коричневые синеватые пятна. Первые признаки гниения, как следствие встречи атмосферного воздуха с теплом дома. Две невидимые силы, подобные человеческому обществу, боролись за влияние над территорией. Хозяева неосознанно сталкивали потоки воздух с улицы и жилья, открывая и закрывая двери. С другой стороны, они, как бы, уравнивали их силы. Подобным образом ведут люди, находясь в вечной борьбе с себе подобными. «Государство существует, чтобы одних людей защищать от других», – говаривал греческий мудрец.

– Остается авторитет хирурга-мамолога. Частная практика и зарубежные лекции. Можно конечно успокоиться. От древнего народа чужь, да от славян в характере упёртость. Неравнодушный я. Горько наблюдать, как ленятся мои чухловцы. Да ещё, как мухи на мед, за легкой жизнью ринулись в города. Всё равно, что мать бросить. Поманит Запад или Америка халявой, из Москвы уедут, как африканцы в Европу. За сменой территории следует измена вере православной, а за ней родному языку.

Улыбин с достоинством проповедника поднес к уху зазвонивший телефон.

– Адвокат, – предупредил с придыханием.

Цветкова задела отчаянные мысли профессора. Заполонившие столицу чужестранцы перестали удивлять. Жить в таком «национальном котле» не хотелось. Потому и возникло неосознанное желание вернуться на малую родину. Отступить. Сдать территорию, как во времена великой смуты Москву – полякам. Пораженчество зародилось несколько лет назад, на предновогодней Красной площади. Накануне праздника, по старой традиции, вышли с женой в центр. Сразу же при выходе из метро «Охотный ряд» оказались в толпе людей неславянской внешности, громко разговаривающих на чужом языке. Стало неудобно, а затем страшно от осознания своей беспомощности. Знакомые с детства по картинкам золотые купола кремлевских храмов, а ощущение, словно твою столицу захватили враги.

На работе, как и у профессора так же не все ладно. В министерстве служил советником экономического департамента. Министром пришел новый человек. По современной традиции затеял кадровую реформу. Чужих менял на своих. Михаил готовился к увольнению. Борьбась за место не имело смысла, как коренным москвичам за традиционную среду. Правдолюбцев увольняли по самому справедливому закону. О коррупции. За технические ошибки в декларации о доходах. Когда отставка казалась неотвратимой, начинал искать выход, а нужно было причину. По его мнению, царские, советские и современные чиновники пеклись не о государстве. О своем месте. Потому и профукали империи. В глубине души так же боялся потерять должность. Патриотизмом бравировал, повесив в кабинете портрет Президента в военно-морской пилотке. То был очередной псевдоним эпохи.

Касательно «гена предательства» у Михаила имелась своя история. В детстве лето проводил в деревне, у бабушки с дедушкой. С удивлением узнал из разговора взрослых про соседа. Оказывается, добряк дядя Паша Занегин сидел в тюрьме. В годы пятидесятые. К портрету Сталина пририсовал карандашом бородку. На суде оправдывался: «чтобы Сталин походил на Карла Маркса». Донёс на пятнадцатилетнего парня его одноклассник. Вот этот самый портрет Михаил искал. Не укладывалось в голове шестилетнего парнишки, как можно отправить в тюрьму за такую безобидную шалость. Сам рисовал бороды на фотках родителей, когда на них обижался. Наконец, в одно июньское утро, незаметным пробрался в соседский дом. Тогда очень рано уходили работать, а двери на замок не закрывали. Внимательно осматривая стены, дошел до зала. Над комодом, покрытым белым кружевом, висела большая рамка с черно-белыми фотографиями. Мужчины в мятых одеждах, женщины в темных платьях и платках. Словно на похоронах. В доме деда на такой же фото-доске все наоборот. Много бравых родственников в военной форме, женщины с непокрытой головой. И все улыбались в отличие от хмурых Занегиных. Портрета Сталина «с бородкой» не нашел. Зато уяснил: от безвинной шалости до государственного преступления один шаг, а предать может самый близкий.

Воспоминания грустно прервал Улыбин: «Адвокат не придет».

Осторожно, боясь расплескать спиртное, нехотя поставил рюмку. Интерес к роли обличителя порядков пропал. Перед Цветковым сидел сильно обиженный старый человек. Михаилу стало неловко за свою успешность. Так же, как вчера днем перед братом, когда вдруг осознал с каким трудом зарабатывает тот на жизнь. Получает десять тысяч при пороге бедности в четырнадцать, и его зарплата в столичном министерстве, умноженная на двадцать! Миссионерство, свойственное натуре, требовало выхода. Предложил Улыбину: «Я обязательно выступлю на суде. Наверное, к мнению члена правления землячества и столичного чиновники прислушаются! На то и справедливый процесс».

Понизил голос, словно испугался решительности:

– Не мешало бы прежде встретиться с судьей. Объясниться. В твоём лице судят нашего Президента! По его поручению, такие как ты, создаёте продовольственную безопасность Родины.

Глаза Улыбина оттаивали. Появилась надежда. Михаил заметил преобразование в его настроении. Неожиданно раздался звук передёргивающего винтовочного затвора и гром-

кий выстрел. Так играла мелодия профессорского телефона. Улыбин радостно воскликнул: «Губернатор!»

Совсем скоро с кислым выражением лица сообщил:

– Поддержал, называется! Предложил надеяться на адвоката, которого у меня нет. У нас, говорит, разделение властей. Вмешиваться в дела суда не может. Не хочет, так бы и сказал. Царя нам нужно! Тот стоял над всеми и всё мог отменить.

Михаилу вспомнился эпизод последнего общения с губернатором. Полтора года прошло.

– Помнишь, профессор, когда нас неожиданно пригласил только что назначенный глава. Радовались, как дети! Местный, а значит свой в доску. До него пришлый был, все пять лет спрашивал: «Не пойму, зачем собираются москвичи в землячества?» Так и не понял до самой отставки. Отстранил Президент его за неумение объединить местное общество.

– Не надо, – словно отказываясь от услуги медсестры стереть пот во время операции, проговорил Улыбин, – всё-то они понимают. Боятся народного объединения. Правильно вспомнил. Нынешний глава пригласил с одной целью, предложить Председателем землячества сокурсника по педфаку. Я это сразу уяснил, потому добровольно сдал пост. Надоело доказывать бескорыстность.

Михаил поддержал:

– Брат Сергей как-то обвинил в использовании землячества для карьерного роста. Как объяснить, что из своей зарплаты мы оплачивали бухгалтера. Силы отдавал на всевозможные общественные собрания, беседы с нуждающимися, устройством на работу, учёбу, детские сады. Чужих людей. Зачем это социальное волонтерство? Сегодня получил ответ: характер у нас такой, поповско-миссионерский. Неслучайно находили понимание лишь у Владыки Александра. Еще, люди привыкли к подачкам. А когда рука дарителя не дарит, рот гражданина закрывается. Народ, значит, за нас не заступится. Не одариваем.

Звук затвора, вгоняющего патрон в патронник, пугал своей частотой. Звонки следовали один за другим. Улыбин брал телефон и получал похожий, отрицательный ответ. Сочувствовали, но от помощи уклонялись. К этому времени поставленные на стол угощения остыли. Тарелки с розовым мясом, рассыпчатым пловом, маринованными белыми и солеными груздями в сметане оставались нетронутыми. Наконец, оторвался от телефона. Хотел спросить у Сухроба про деньги от проданного мяса. Рассчитывал ими расплатиться с адвокатом. Узбека на месте не оказалось.

С грустью обвел взглядом богато сервированный стол. Нечаянно задел локтем ножик. Тот упал на деревянный пол, издав звук, похожий на стон больного. Нехорошее предчувствие подтвердил Цветков:

– Смотри, профессор, ножичек лезвием указывает на входную дверь. Жди неприятного гостя.

Предвидение сбылось в то же мгновение. Дверь без стука распахнулась. На пороге обеденного зала появился глава района в обычной синтетической куртке. Из-за спины, словно лисья мордаха, выглядывал рыжий мех капюшона. Черная кожаная бейсболка смотрелась на его голове утиным клювом. Василий Васильевич Рысин был одновременно прост и хитёр. В молодости красивый услужливый гармонист являлся неперенным участником свадебных гуляний. Дружка, приклеилось прозвище. От молодого Дружки к сорока пяти годам осталось жилистое тело и обманчивая добродушная улыбка. За глаза местные жители называли его «сукиным сыном», но для них он был своим. Неприязнь к чужакам появилась давно. Ещё с татаро-монгольского нашествия. Потому и выдвигали третий срок подряд главой района. Прощали махинации с муниципальной собственностью. Особенно Дружка любил переводить землю сельхозназначения под жилое строительство на правом берегу Чухловки. Популярное место у московских и губернских дачников, называемое Сапропелевым полем. Последнее время Дружка носился, как с родным дитя, проектом областной свалки. Его не устраивали

мизерные налоги дачников. Мега-свалка, напротив, сулила огромные деньжищи в худой бюджет нечернозёмного района. Называлась на умных бумагах «мусорным полигоном по переработке твёрдо-бытовых отходов». С французскими фильтрами очистки сточных вод, немецкими геомембранами и системой сбора биогаза. Умилительное название придумал сам Дружка. «Земляничка». Убедительно звучал его аргумент в пользу свалки: «В Москве каждый год под мусор выделяется один гектар, а у нас площадь всего пять га. На сто лет». Наиболее недоверчивые «аборигены» создали группу противодействия. Большинство населения её не поддерживали. Не доверяли чужакам. В экологи затесался адвокат-москвич, взявший в сожительницы местную, так же проживающую в столице. К москвичам из местных относились, как к выкrestaм в православии. Ограничивали в правах: налоги для приезжих на собственность и электроэнергию повышали, по московским ценам нанимались в работники, «блокировали» федеральные льготы чужаков. «Всё когда-нибудь проходит», – мудро рассуждали шестнадцать тысяч жителей района. И не вмешивались, предпочитая наблюдать за борьбой пяти сознательных экологов с родной администрацией. Ещё ожидали обещанных Дружкой компенсаций в 200 рублей ежегодно. За воздух, как в аэропорту Еревана. На каждого чухловца. Жили по принципу: «с паршивой овцы, да хоть клочок шерсти получить». Особые надежды возлагали на обещание построить торгово-развлекательный центр наподобие областного. Где в одном здании собраны все удовольствия: продовольственный магазин, фитнес, спортзал, бассейн, кинозал, маникюрная. Были уверены, кемеровской трагедии с ними не случиться. Заблуждались, как женщины, считающие цирроз печени мужской болезнью, а уреплазму безобидным грибом.

Тем временем Дружка-глава по-хозяйски повесил куртку на олени рога, служившие вешалкой. Приветливо улыбнувшись, пожал руки хозяину дома и московскому гостю. Лукавым взглядом окинул празднично накрытый стол, пошутив: «У вас свадьба или поминки?»

Друзья с опаской переглянулись. Не сговариваясь устали на только что поднятый с пола нож. Приход незваного гостя не сулил ничего хорошего. Понимали, спрашивать о цели посещения не стоит. Сам расскажет. Улыбин на правах хозяина пригласил к столу, пояснив:

– Меня завтра судят. Знаешь! Для друзей и накрыл. Только нет их.

Незванный гость весело отвечал:

– Я и есть самый-самый твой товарищ, дорогой мой профессор!

Дружка по-свойски приобнял одной рукой Улыбина, другой подцепил со стола очищенный грецкий орех, направляя в рот. Не дожевав, продолжил:

– Сейчас ты в том убедишься!

Друзья застыли, словно перед иконой. И чудо случилось!

Рысин непонятно откуда извлек два листочка форматом А-4. На одном играла цветами радуги карта Чухловского района. На другом, ровным одинарным интервалом выделялся аккуратно напечатанный текст. Осторожной походкой хищника приблизился к Улыбину. Подсел рядом. Цветкову показалось, сейчас в объятиях задушит профессора. Дружка громко произнес: «Именно здесь ваше спасение».

Товарищи непонимающе переглянулись. Улыбин быстро прочитал документ и приступил к разглядыванию цветной карты. Кожа на его подбородке слегка задержалась, сильные пальцы надавили на бумагу, грозя продавить ее. Профессор угрожающе обратился к главе района:

– Предлагаешь передать мой участок администрации?

– Именно! – радостно отозвался Дружка, – только мы его оплатим по муниципальным расценкам. Взамен получишь полную неприкосновенность городской фермы и новую землю под сельхозугодья. Там, где тебе будет удобно. В любом количестве.

– На вроде индульгенции получается! – неудачно пошутил Цветков и с удивлением заметил, как глаза профессора постепенно превращались в набирающие сок вишни.

Профессор умел владеть собой:

– За что мне такая удача? Я уже оформил документы на добычу сапропеля. Вложился в лицензию и заказал цех из металлических конструкций. Зимой планировал завести строй материалы. Не-ет. Так не пойдет.

– Ничего, ничего, – услужливо заторопился Дружка, – все твои расходы будут оплачены.

Сейчас же вытянул из тонкой папки новый лист форматной бумаги. Профессор быстро пробежал текст, воскликнув:

– Молдаванин! Как черт из табакерки, выпрыгнул! Подсчитали мои затраты. Получается, если я подпишу договор купли-продажи с директором скотобазы, мне восполнят понесенные финансовые потери?

– Правильно! – радуясь собственной изворотливости, подсказал Дружка. – В качестве бонуса от районной администрации для ведения фермерства выделяем землю сельхозназначения. В бесплатное пользование на двадцать пять лет. А? Круто?

– Таким способом отбиваете у меня бизнес? Рейдеры, вместе с молдаванином.

– Брось! Сапропель никому не нужен. Просто в этом месте, где твой участок, будет большое строительство. Утвердили в областной администрации. Сам губернатор в курсе!

Рысин вытянул из волшебной папки третий листок. С угловой печатью местной администрации.

– Какой предусмотрительный, – съязвил Улыбин, – на все-то у тебя есть бумажка.

– Не предусмотрительный, а системный, – осторожно поправил глава, – если согласишься, получишь главный приз.

Многообещающим взглядом посмотрел на ошалевшего профессора.

Цветков от такой наглости потерял дар речи. Глава переходил все границы дозволенного. В его действиях, по мнению Михаила, просматривался прямой сговор с областными бизнесменами. Неприкрытый шантаж вызывал ответную реакцию, но действительный государственный советник третьего класса опасался вмешиваться не в свою епархию. Боялся, самого могут обвинить в сговоре, уже с «бизнесменом» Улыбиным. Так называемый конфликт интересов. По дурацкому закону, под прицелом оказывалась и элементарная человеческая дружба. В принципе ему нет никакого дела до профессорских планов. Фермы, цеха по производству удобрений. Сам себе насоздавал проблем, пусть и выпутывается.

Улыбин с особой осторожностью посмотрел в сторону товарища. Видимо заметил в глазах Михаила нерешительность.

– Давай, договаривай, в чем главный приз, – миролюбиво попросил Улыбин.

Дружка с готовностью денщика выпалил:

– Не траться на адвоката. Если примешь условия, судья завтра встанет на твою сторону. В общем, ничего тебе не будет. Так. Пшик, да смех. Не только скотина, но и человек воняет.

– Душа у некоторых воняет, – поддел профессор. – Ладно. Давай документы на продажу участка молдаванину и выделение земли под добычу сапропеля. Ничего, что далеко. Я упрямый. Доведу задумку. А что строить-то будете?

– Скажу-скажу. Ты подписывай.

Улыбин вытер со лба пот. Сгреб рукой, что медвежья лапа, подписанные листы. Глава в это время лихорадочно заталкивал в папку свои экземпляры. Лицо его сияло вымытым стеклом. Сделка прошла успешнее, чем ожидалось. Профессор славился упрямством. От радости и быстроты выполненной задачи Дружка неосмотрительно выдал: – Будет областное предприятие по переработке твердо-бытовых отходов.

– Свалка, значит, – сорвалось с языка Михаила. – И губернатор в курсе?

– Як же, – самоуверенно отвечал глава.

Цветков выразительно посмотрел на Улыбина:

– Что и требовалось доказать. Помнишь, как губернатор просил тебя сдать общественную должность председателя землячества? Своих везде расставлял. Дела большие уже тогда планировал. Вот и свой, земляк называется. Хуже, чем варяг. Выкрест он. Нет ему доверия.

Дружка пятился к выходу, услужливо улыбаясь. Каждый из сторон оставался при своем интересе. Улыбин при ферме и новом участке под сапропель. Рысин – при свалке.

Окончательно понять, что приобрел и потерял в результате неожиданной сделки, Улыбину помешал шум в терраске. Ругались мужчины. Звонко упал на пол эмалированный таз. Наступившую было тишину оборвал стук в дверь. На пороге показался невысокий человек в мокрой коричневой куртке. Бережно повесил её на развесистые лосиные рога. Бейсболку – на полупустую решетку для головных уборов.

– Добрый вечер, хозяйева, – по-военному отчеканил очередной непрошенный гость.

Товарищи с опаской разглядывали вошедшего. Крепкий, словно гриб-боровик. Узкие нервные губы и не в меру внимательный взгляд говорили о душевной ранимости. Правая бровь рассечена глубоким шрамом. Лицо покрыто свежим нездешним загаром.

Человек уверенно подошел к столу, представился: «Валерий Вардани».

Здоровался крепко, резко. Так обычно одергивают автоматный затвор, загоняя полю в патронник. Как мелодия в профессорском телефоне.

– Разрешите? – видя замешательство хозяина дома, попросился присесть за стол.

Михаил еще не отошел от наглости главы района. Возмущался отсутствием благодарности за устройства Дружкиного старшего сынка на престижную работу в своем министерстве. Был такой эпизод года четыре назад. Вот очередной проситель. Считают, московские земляки до конца жизни должны местным.

– Извините, кажется мы с Рысиным за одним и тем же, – честно признался незванный гость.

– Весь сегодняшний вечер не перестаем удивляться землякам, — съязвил Цветков, — просите. Не стесняйтесь. Мы рады помочь любому. За просто так.

Взгляд Вардани потеплел. Он явно не понял иронии.

– Я вас знаю, – обратился к Михаилу, – работаете в министерстве. Вместе с профессором многим помогли. При вас землячество уважали, а сейчас не рыба, не мясо.

Гость замолчал, поняв, что сказал лишнего. Цветков с Улыбиным сочувственно ухмыльнулись. Не сговариваясь, дистанцировались от растерявшей авторитет организации. Гость уловил критическое настроение, продолжив:

– Собственно, пришел просить не передавать землю администрации. Дружка задумал построить областную свалку. Недоставало пару гектар. Как раз ваш участок оказался поблизости. Им плевать на рядом протекающую речку, сам город. Судя по довольной Дружкиной роже, я опоздал?

– Не обрадую, молодой человек, – жестко ответил профессор, – землю не продал, а обменял. На другой участок. Только что состоялась сделка.

– Договор, случайно, заключили не с директором ли скотобазы? Не лично с ним, а его левым ООО?

– Не буду скрывать. Верно. Дружка выступил в роли посредника. В свою очередь позвольте и мне поинтересоваться?

Вардани развел руками, убеждая профессора в своей открытости.

– Откуда такое радение за чистоту земли? Ты же не местный! Что в Москве проблемы все решены? В том числе со свалками. Может опыт свержения подмосковного губернатора переносите на нашего главу Рысина? Экспорт мусорной революции получается.

– Нравнодушный я, – скромно ответил человек с греческой фамилией. – Если откровенно, любимая женщина среди активистов «движения против свалки». Местная она. Помо-

гаю в качестве солидарности. На вроде общественного адвоката. У меня юридическое образование. Пришлось поработать в милиции, в уголовном розыске.

– Понятно, – невесело отреагировал Улыбин, – а кто по-вашему стоит за Дружкой? Директор скотобазы! Мужик нездешний, корней в Чухлове не имеет. С другой стороны, на него удобно свалить ответственность. Кто же кукловод, главный лоббист будущей свалки?

– Честно? – «незванный гость» подозрительно глянул на профессора.

После встречи в прихожей с Дружкой засомневался в искренности бывшего председателя землячества. Человеческими поступками руководит экономический интерес, предупреждало первое правило оперативника. Не мог известный московский врач, бывший председатель землячества не знать расстановки сил в губернии. Явно, у него имеются авторитетные защитники среди местных силовиков. Вся стена увешена их благодарственными грамотами. Из предосторожности отвечал уклончиво:

– Главного кукловода следует искать в Москве. Инвестор так же не местный. Лоббист сидит в администрации области. Попробуйте сами угадать.

Улыбин и Цветков в очередной раз понимающе переглянулись. Не верили незнакомцу, как и он им.

Цветков догадался в чью сторону клонит Вардани. Вслух при чужих людях обвинить губернатора в недоказанном преступлении слишком опасно. За клевету на должностное лицо легко получить статью УК. Возможно он засланный провокатор? Вспомнилась недавно прочитанная история про одного забытого исторического персонажа, лейтенанта Бошняка. Героя, патриота, вместе с адмиралом Невельским много сделавшим для присоединения Дальневосточного края к России. Находясь на пенсии, как – то на дороге не пропустил экипаж губернатора. За этот проступок получил позорный арест на десять суток, многолетнюю судебную тяжбу за оскорбление высшего должностного лица. Безжалостную травлю местного дворянства. Следствием стала душевная болезнь и скорая смерть вчерашнего героя Отечества.

Улыбин, в отличии от товарища, не думал подозревать губернатора. Продолжал надеяться на его помощь в суде. Опытный хирург не имел права ошибаться в диагнозе. Хорошо знал, что оборвать отношения легче, чем их восстанавливать.

– У нас с вами, профессор, завтра общее дело, – загадочно обмолвился Вардани.

Цветков не удержался:

– И вас судят?

– Да, – просто и честно подтвердил догадку, – буду оспаривать решение местной администрации о выделении земли под свалку.

Цветков встрепнулся – защищать чистый воздух, а Улыбина судят за грязный. Портит он его своей фермой. Путь то у нас один, да цели, видать, разные.

– Хватит выяснять отношения, – грозно буркнул Улыбин. – Не хватало еще свалки. Не знал я. Иначе не подписал бы договора с Дружкой.

– Ну, тогда выпьем за предстоящую победу, – продемонстрировал гибкость Цветков, наполняя третью рюмку.

– За победу! – коротко, как выстрел, поддержал тост поздний гость.

Выпили, молча закусив. Первым не выдержал Михаил:

– Не обижайтесь за недоверие. Видите, стол накрыли для друзей. Не пришли. Испугались «тараканища усатого». Помните сказку Корнея Чуковского? «Вдруг из подворотни страшный великан, рыжий и усатый Та-ра-кан! Звери задрожали, в обморок упали...». В итоге прилетел воробей «взял и клюнул Таракана, вот и нету великана. Поделом великану досталось, и усов от него не осталось». Что-то подсказывает, именно вы и окажитесь тем воробьем-победителем. Удачи Вам! Кстати, фамилия у вас не менее звучная, чем у героя Чуковской сказки.

– Греческая, – не без гордости пояснил Вардани, – очень древняя, еще со времен киликийского армянского царства, что когда-то существовало на островах Средиземного моря.

Работница Татьяна собирала со стола нетронутые угощения. Сухроб в доме так и не появился.

Наполненный событиями день не спешил заканчиваться без сюрприза. Через три минуты после убийства гостя, Михаил вышел во двор. Имелось еще одно незаконченное дело. Личного характера. Не хотел свидетелей телефонного разговора. Без предупреждения Улыбина из областного центра пригласил женщину. Ту, к которой мужчина прилипает, как комар на мухоловку. Легкомысленные отношения вдруг оказались серьезными. Четыре года «тайной любви» срок не малый. Мужчину устраивала неопределенность. Женщины, напротив, нервничали. Светлана и жена. Словно сговариваясь, одновременно потребовали от него ответа на простой вопрос: «с кем ты, милый человек?» Михаил не хотел принимать обидный для одной из сторон вердикт. Хотя и понимал, жизнь в двуличности заканчивается.

Два дня назад, перед убийством из Москвы, спланировал со Светланой встречу. У нее дома, в областном центре. Улыбин, своим вызовом на суд, изменил первоначальный план. Светка должна была приехать на одну ночь в Чухлово. Именно сегодня вечером, на годовщину их первой встречи, попадающей на День пожилых людей. Не сговариваясь, при любых обстоятельствах отмечали. Боялись нарушить традицию, сравнимую с молением перед входом в храм. Женщина благодарила его за предложения к интимной близости уже на первом свидании, с одной оговоркой: «без этого нельзя?» «Нельзя», – требовательно ответил, не разу не пожалев за стремление сходу овладеть понравившейся женщиной. Первая близость принесла неиспытанное ранее ощущение, не плотского удовлетворения, а физической радости. Они подходили друг другу, как с первой примерки ладно севший на фигуру костюм.

Набирая номер любимой, Михаил втайне надеялся на её отказ. Таким примитивным способом оттягивал решение, но Света была уже на подъезде к Чухлово.

От размышлений отвлекла возня и глухой стон прямо за воротами профессорского дома. Над крыльцом горела лампочка, освещающая небольшую площадку. Уличные фонари в городке отключили в год падения Советской власти. Глаза к темноте успели привыкнуть, что позволило разглядеть в проеме калитки мелькающие тени. Не раздумывая, бросился в неизвестность. Сразу же определил суть происходящего. Двое мужчин пытались сбить с ног третьего. По крепкой фигуре, похожей на гриб-боровик, распознал в защищавшемся недавнего собеседника. Михаил без особого труда отбил атаку нападавших. Первому заехал в рыхлое лицо, второго отбросил в канаву. Лицо последнего показалось знакомым. Отметил узкий разрез глаз, азиатскую скуластость. Разглядеть не успел, как парень получил сильнейший удар ногой в грудь от оказавшегося рядом Вардани. Хулиганы растворились в ночи.

– Спасибо, – совсем неуставшим от борьбы голосом поблагодарил тот, – подстерегли. Рассчитывали застать врасплох.

Только сейчас Цветков увидел кровотокающую рану на щеке.

– Кастетом, со спины, – объяснил тот причину ранения, – да не на того напали.

– Боксер? – уважительно спросил Михаил.

– Боевое самбо, – прозвучал тихий ответ.

Разговору помешала остановившаяся у ворот машина. Из желтого такси выходила Светлана. Она сразу обратила внимания на кровотокающую щеку мужчины:

– Мальчики, вы подрались?

Взрослые мужики виновато потупили взгляды. Женщина по-хозяйски взяла их под руки, направляясь к дому.

С Улыбиным была хорошо знакома. Здесь с Михаилом иногда бывали. Профессор понимающе достал аптечку, а Света умело обработала Валерину рану. Профессор жестко выдавил:

– Дружкина работа. Его манера действовать исподтишка, чужими руками. Так?

– Кому же больше, – устало проговорил раненый.

– Оставайся, парень, ночевать, – предложил Улыбин, – так спокойнее.

Вардани с благодарностью отказался. Как только за ним захлопнулась дверь, Светлана не удержалась от комментария:

– Чудные дела творятся в Чухлово. Взрослые мужики, а ведете себя мальчишками. Чего не поделили?

Мальчишки-мужики молча отмахнулись. Наскоро выпив чаю, отправились спать.

3

В этот раз биологические часы Цветкова дали сбой. Давно уже не вставал так поздно. На мобильном телефоне высветилась цифра 8.25. На измятой подушке длинный женский волосок и пустая половинка кровати. На прикроватной тумбочке змейкой скрутились черные колготки.

За окном рассвет походил на надвигающееся ненастье. Осень нехотя соглашалась с правилами наступающей зимы. Хмурилась. То же самое творилось в душе Михаила. Необъяснимая тревога усилилась от голоса Улыбина. Деревянный дом не отличался звукоизоляцией. Сознание выхватывало обрывками события прошлого дня. Несвязные и от того еще более тревожные. Зазвонил телефон.

– Не хотел вчера беспокоить, – вкрадчивым голосом начал разговор брат, – пришла хорошая новость. Банк снял претензии по нашей задолженности.

Михаил окончательно проснулся. Пресекая панибратство, не сулящее ничего хорошего, резко прервал:

– Не нашей, а твоей.

– Конечно, моей, – не ожидая скорого отпора, младший брат пошёл на попятную. – Документы вчера налоговики оформили. С квартиры автоматически снимается запрет на продажу.

– Я не смогу выехать к тебе, – с сожалением проговорил Михаил, втайне радуясь не напрасно потраченным усилиям в родном Макарове.

– Приезжать не нужно, – тон на другом конце изменился с благодарного на требовательный. – Если не будешь возражать, я продам квартиру. Покупатель нашёлся. Твою долю обязательно верну. Договор только что подписан.

Наступила пауза. Михаил оказался в состоянии прохожего, перед которым свалилась глыба льда с крыши. Обдала смертью, предупредив о ненадежности человеческой жизни. Не показывая слабости, собравшись, надломленным голосом ответил:

– Делай, как знаешь. Квартира родительская. У нас равные права. Денег мне не нужно. Хотя, верни сумму, затраченную на ремонт.

После неприятного разговора долго смотрел в окно на наливающееся свинцом тяжелое утро. Не жалел похожую на собачью конуру сорокасемиметровую трешку с запредельными коммунальными платежами. Ругал себя за неумение сохранить родительское, семейное. Важное не только для него, но для детей, внуков. Вспомнил радость в семье с получением квартиры в каменном доме. С собственным туалетом. О ванне тогда и не мечтали. Как с приехавшей из Ленинграда теткой-студенткой в корзине перевозили посуду, узелки с одеждой. Со съемной квартиры. Плетеная корзина на деревянных полозьях служила универсальным средством для хозяйственных перевозок зимой. В ней он тащил в гору белье с колоды, брата из садика, дрова из сарайки. Корзина – единственное, что сегодня пришло на память. Он её в детстве ненавидел из-за непосильной тяжести. Через много лет корзина принесла пользу. Приняла на себя нарастающую злобу за действия родного брата. Оказалось, кроме него, семейные реликвии никому не нужны. С утратой родительской квартиры оборвалась связь с целым куском прошлой жизни. Детства и Юности. Тот период для него был важен, что мёд для пчелы. Снова на память пришли тоскливые, как глаза бродячей собаки, стихи Лидии Егоровой:

«Дом – несколько брёвен встык.

Дом – в горле застрявший крик.

Дом – в памяти мамин взгляд.

Дом – колокол, как набат.

Куплен отцовским трудом

До-о-о-ом, до-о-о-ом, до-о-о-ом...»

Жалко стало не родительскую квартиру, а Лиду, давно уехавшую из родных мест в Москву. Кроме замечательного цикла стихов «Моей глубинке» не оставившей ничего после ранней смерти. Ни детей, ни семьи. Большой город, словно штормовое море, проглотил её в своей пучине. Похоронили Лиду не в Москве, а в родном Чухлове, как завещала. Скоро предали забвению, забыв заменить деревянный крест на памятник. Те, кому она посвящала стихи, оказались неблагодарны.

Втроём, молча ели пресную кашу. Светлана, учитывая диабет профессора, приготовила диетический завтрак.

Суд назначен на одиннадцать. Полтора часа для маленького городишка, где всё в шаговой доступности, не время. Женщине не удержать любопытства.

– Милый, кто такой Валерий? Мы идем на суд? Дело надумано. Разве посмеяться. Что профессор такой мрачный? Ты у меня заночуешь? Нас сегодня вечером пригласила подруга на день рождения. Как ты?

Вопросы сыпались, как крупа через решето. Михаил не отвечал, не желая раскрывать суть происходящего. Кивал головой, на что Светлана резонно заметила:

– Равнодушный стал. Надоела? Наигрался женщиной?

Специально нарывалась на конфликт. Михаил напротив, уходил от скандала. Выяснять отношения при Улыбине не было резона. Без их ссоры хватало переживаний. Наконец, профессор раскрыл секрет плохого настроения:

– Сухроб не появился со вчерашнего дня. Денег не вернул. Странно. Миш, крикни его на улице. Пусть зайдет в дом.

Ежась от холодного ветра, пахнущего снегом, Михаил напрасно звал работника. Из старого домика вышла женщина, закутанная в шаль поверх цветастого халата. Концы шерстяного платка надежно прятали плечи, выделяя небольшой животик. Потерянным голосом отвечала:

– С ночи не было. Поцеловал, словно прощаясь и ушел. Куда, не сказал.

Михаил вернулся в дом, передав разговор, пошутил:

– Беременна работница, не от тебя ли?

Улыбин усмехнулся:

– У меня все в этот раз беременные. Коровы тельные, свиноматка, козы. Чего же и женщинам не быть на сносях. Хозяйство то растет.

Рассчитывая закрепить позитив подыграла Светлана, спросив, как ей казалось, о приятном:

– Приезжал летом Павел?

Михаил с осуждением глянул на Свету. Предупреждал, с братом профессор поругался еще два года назад, когда в родительском доме поселил работников. Павел с женой, приехав из Хабаровска в отпуск, не захотели жить в новом доме. В знак протеста сняли квартиру.

– Лесбиянка она, – без осуждения, с некоторым сочувствием ответил Улыбин. – Не складывается у них с Пашкой. Детей нет, нет и физической близости.

– Почему лесбиянка? – недоуменно переспросил Михаил.

– Без него приезжает, да баб незамужних в квартире съемной принимает.

– Так можно обвинить и в создании преступного сообщества с целью свержения Дружки? Чтоб свалку отменить. А? – подшутил снова Михаил, намекая на обыкновенную месть.

Улыбин молча вышел из-за стола. Его волновало отсутствие с вечера Сухроба, который не вернул денег за проданное мясо. С адвокатом расплачиваться было нечем, а время пришло выдвигаться на суд.

Перед посадкой в машину профессор любовно обвел взглядом хозяйство. Коровник, похожий на вкопанный в землю дом. Свиарник из старой бани. Аккуратная поленница дров из вчерашнего столба.

На крыльце районного суда вальяжно покуривал высокий мужчина. Улыбин с облегчением вздохнул: «Слава богу, адвокат приехал».

Адвокат, распахивая перед идущим впереди профессором многочисленные двери, успевал еще что-то шептать на уху. Михаил со Светланой шли следом. Внутри здание правосудия походило на запутанный лабиринт: переходы, коридоры и коридорчики, деревянные двери с расхлябанными ручками, зарешеченные окна. Казалось, выйти отсюда может только человек в судейской мантии или полицейской форме.

Полупустой зал быстро наполнялся любопытными чухловчанами. Михаил со Светланой сели за спиной Улыбина. Гнетущая атмосфера безысходности витала в помещении. Адвокат единственный находил обстановку домашней.

– Профессор, не волнуйтесь, – увещевал «посредник правосудия», — все будет хорошо. Главное, почаще судью называйте «ваша честь», а через два раза «Ваше превосходительство». Любят восхваление. Они сейчас, как жрецы в древнем Египте. Неприкосновенны и высоко оплачены. Пенсии под сто тысяч! Хорошо быть независимым от народа, но зависимым от власти. Помните, будет и ваше последнее слово. Только не как тот грузин. Вместо последней просьбы, называет: «сто тысяч». Судья в ответ: «суд удаляется на совещание». Михаилу совсем не смешно, а адвокат громко хохочет. Люди с опаской оборачиваются.

Неожиданно девочка-десятиклассница торжественным голосом, как вожатая на пионерской линейке, объявила: «Встать, суд идет!»

Полная женщина с белым ученическим воротничком поверх черного балахона незаметно появилась за судейским столом. Она походила на состарившуюся Мальвину. Вот только Бурадино опаздывал, как всегда. Представление началось.

Адвокат, вместе со всеми вставая, громко сдохмил: «Да здравствует чухловской суд, самый гуманный суд в мире».

Совсем шепотом: «Мама судья, доча секретарь суда. Не семейственность, а династия! Вот о чем фильмы снимать».

– Заседание суда объявляю открытым, – проговорила с учительской строгостью кругленькая женщина, – обвинение, вам слово.

Молодая следователь прокуратуры в синем кителе с тремя маленькими звездочками на погонах начала оглашать обвинение. Скороговоркой, словно детскую считалку.

Судья, не оставляя возможности обвинителю что-то добавить, торопливо проговорила: «Обвинение приглашает первого свидетеля».

В этот момент у Михаила заиграл телефон. Он не мог его отключить, так как ждал звонка руководителя управления о своем увольнении. Быстро покинул зал судебного заседания. Удивился, когда предложили остаться на занимаемой должности первого заместителя начальника. Согласие и благодарность за доверие выдал скороговоркой, на манер только что услышанного. Так и поверишь, что в судьбе человека случайностей больше, чем он предполагает.

Путаными коридорами-коридорчиками вышел из здания на свежий воздух. Требовалось переосмыслить случившееся. Выстраивалась цепочка событий, как следствие состоявшегося назначения. Во-первых, большее время придется находиться в Москве. Значит, к Светлане поездки сократятся. До критического. Одного раза в месяц, на выходные. Во-вторых, сохранение статуса госчиновника предполагает прежний достаток. Дает независимость. Плевать на проданную братом квартиру, построю на родине деревянный дом. Вместительный, современный, со всеми удобствами. В-третьих, жена и дети довольны. Отец остаётся в семье. В общем, одни плюсы. Разве что Света в проигрыше?

Неожиданно потянуло сердце. «Неужели душа напоминает о Светке? Не раз наступал себе на горло, душил чувство в угоду «здравому смыслу». Семью сохранил, детей выучил, карьеру сделал. Только душу не удовлетворял. Наперекор ей шел. В угоду расчёта, выгоде. И сейчас то же самое. Был же случай, старший товарищ заболел раком. В больнице влюбился в медсестру. Внушил себе: если она ответит взаимностью, болезнь отступит. Так и случилось. Развёлся и на медсестричке женился. Только болезнь совсем не ушла, а дала передышку. Ровно на два года. Умирал без сожаления. С любовью в сердце. Героем! Не всем же дано им стать. Нужно идти в зал заседаний. Опять Логика побеждала. Предупреждала об опасности его выступления в суде. Начнут вызывать повестками, как свидетеля. Совсем не к чему с новой большой должности. Мудрее потянуть время, как способ перепоручить решение. Не будет же сегодняшнее заседание длиться вечно».

От раздумий, как ото сна, очнулся. Рядом стоял Валерий Вардани с лицом похожим на пепел, воспалёнными после бессонной ночи глазами. Михаил заметил подавленное состояние вчерашнего знакомого, нехотя спросил: «Что-то случилось? Могу помочь?»

Неожиданно Валерий откликнулся на участие странными словами: «Нехорошо, нехорошо и горько».

Обессилено привалился плечом к оголённому дереву. С шумом вдохнул холодный воздух. Затем медленно, как сигаретный дым, выдохнул. С паром вместо дыма.

– Ударили по самому больному! Намеренно, расчетливо. Михаил, сможешь подтвердить на следствии отсутствие ночью профессорского работника?

– Сухроба? – воскликнул Цветков.

Про себя подумал: «Только развязался с одним судом, как намечается второй. С ума посходили в этом Чухлове». Смутное подозрение снова появилось насчет причастности Сухроба к нападению на Вардани.

– Прошлой ночью, во время драки, – предположил Михаил, – заметил похожего на Сухроба. После чего он больше в улыбинском доме не появился. Утром его безрезультатно искали. Тысяч триста рублей увел у профессора. Наверное, махнул в родной Ташкент. Сказанное подтверждаю.

– Про деньги не знал, но произошло страшное. Пойдем в зал заседаний, – предложил Вардани.

Перед открытой дверью толпился местный люд. По разочарованным лицам Михаил догадался о завершении «улыбинского дела». Видимо, не в пользу жалобщика. Зашли в зал заседаний. Адвокат с надменной усмешкой что-то выговаривал профессору и пожилому краснокожему мужику. Неожиданно Улыбин отчетливо бросил в адрес краснорозега: «Власовец! Предательство в генах вашей родни. Жаль, родитель мой помер, а то бы рассказал. В сорок третьем по вине твоего деда-выслужника семью моего отца продовольственных карточек лишили. Так бы башку и открутил гаду!»

Улыбин напрягся и стал походить на носорога, готового таранить противника. Красномордый молниеносно ретировался. Тут профессор заметил Цветкова, быстро переключив внимание.

– Дружка не обманул, судья не только дело закрыл, но и оштрафовал соседа-ябедника. На двести рублей. За преднамеренный оговор. Вот так. Пойдем, Сергеич, – профессор ласково обратился к адвокату, – денег я тебе не дам, но стокилограммового хряка погружу в машину. Живьем. Домой в Ярославль увезешь!

– А что, – разволновался адвокат, – и борзыми щенками беру. Не брезгливый. Я с народом, а не с «басманным правосудием»!

Оба победоносно рассмеялись, стремительно покидая здание суда. Михаил со Светланой вынужденно остались на второе слушание. Женщина осторожно попрердержала его у самой двери:

– Мишаня, давай рассказывай, что тут происходит? Не нравится загадочная история. Судья сквозь зубы оправдала профессора. Видно было, на стороне местных. Не зря говорят: «Бог любит праведника, а судья ябедника». Грязи на него вылили! Под конец смиростивились. Скорее, кто-то свыше подсказал: оправдать. Так бы ещё условный срок получил! Адвокат молодец! Улыбин, конечно, не промах и сам. Вчера Ирка-таксистка, пока ехали до Чухлово, такого порассказала! И ребенок у него на стороне. Не смейся. Она оказалась твоей прежней любовницей. Вечером еще поговорим. Смотри у меня!

Михаил с плохо скрываемым раздражением не дослушал неприятного монолога. Финал «воняющего дела» профессора Улыбина был известен ему со вчерашнего вечера. Когда состоялась сделка по сапропелевому участку. В информированной таксистке узнавалась на самом деле Ирка. Отставных любовниц тянет к прошлому из любопытства. Сейчас же боролись два желания: скорее покинуть проблемный городишко или выполнить обещание перед обретенным товарищем. Вардани не напрашивался в друзья, скорее Михаил в нём нуждался. В Валере чувствовалась сила, надёжность, благородство. Именно таких качеств не хватало окружающим Цветкова. Подчинённые угождали, «друзья» требовали привилегий. Михаил на самом деле не верил ни тем, ни другим. Хорошо понимал, без должности станет им не интересен. А ищущие выгоду, сознательные предатели. Значит, останется в одиночестве. Разве, что жена, дети, да Светлана? Всё правильно: любовница для страсти, жена для старости. Если бы так. Требуют выбора, как птенцы корма. Как его сделать, не ошибаясь и не обижая? С кем остаться? Кто из них искренне любит, а не ищет выгоды.

Чувство коллективизма возобладало над эгоизмом. Не объясняя, увлёк Светлану в зал заседаний. Нашли место у самого входа, на «галёрке». «Человек с греческой фамилией», стоя за трибуной, горячо обличал:

– Муниципальные чиновники во главе с главой района Рысиным циничным образом нарушили право граждан на высказывание мнений и отношения к происходящему. Нарушено право граждан, данное Конституцией Российской Федерации. Не спросили население об отношении к планируемой у нас под носом свалке. Со всей области в Чухлово будут свозиться отходы. Об угрозе окружающей природе и здоровью жителей много раз предупреждалось. Ну хотя бы соблюли видимость коллегиального решения. Провели слушания с местными депутатами. Мне скажут: провели. Ваша честь! Очередной обман. Сделали подлог, который карается законом. Доказательство у меня на руках. Подписи депутатов поддельны!

Вардани угрожающе потряс стопкой листов, намереваясь выбросить их в сторону Дружки. Немногочисленный зал зашипел, как бутылка газировки при открывании.

Михаил сравнил происходящее с Подмосковьем. С хаотичной застройкой вдоль дорожных трасс многоэтажных «скворечников». В метро утром не зайдешь. Дачу хоть заколачивай, на автомобиле не проехать. Капиталисты-домостроители нарочно, как сосед профессора, как Дружка, безнаказанно пакостят людям. Удивительно, власть с ними заодно! Может, ищущие выгоду и есть власть? Здравый смысл предупреждал о запрограммированном предательстве в случае военной угрозы. Может, их над нами поставили американцы? Такая современная колониальная администрация.

– Здесь расписки депутатов, – оборвал крамольные мысли голос выступающего, – подтверждающие обвинение местной власти в подтасовке. Не голосовали они за свалку! Налицо должностной подлог. Прошу суд отменить беззаконие. Именно, выделение земли под мусорный полигон в пяти километров от поселка. Провести общественные слушания по отводу земли. Мы, экологи, не возражаем против самой свалки. Вопрос, где её создавать? Не на границах же населенного пункта! Не у среза воды! Речка Чухловка, наша краса и кормилица, превратится в ядовитую! Мы что, смертники?

Обличитель «дружкиных порядков» внезапно замолчал, видимо для поиска новых фактов. Зал примолк. Так наступает тишина перед ливнем. В качестве ласточек-предвестниц

дождя, показалась голова Дружки. Медленно завращалась вокруг собственного тела. Притихшие зрители отчетливо слышали хруст косточки в шейном позвонке своего главы.

– Сегодня ночью, – угрожающе тихо продолжил обвинительную речь, – изнасиловали женщину. Вашу односельчанку. Активистку нашего движения.

Внимательно, пытаясь найти пострадавшую, обернулся в сторону присутствующих. Михаил отчетливо увидел застывающие зрачки мужчины. От них исходил холод мести.

– Ваша честь, – обратился к судье «народный обвинитель», – прошу мое заявление приобщить к делу.

– Хорошо, суд учтёт ваше пожелание, – примирительно проговорила женщина-судья. Вспомнив, добавила: – При одном условии, если заявление непосредственно касается сегодняшнего слушания.

«Почему она все время прикрывается судом? Суд идёт, суд учтёт, суд разберётся. Боится собственного мнения или не уверена в юридических знаниях? Станный способ использовать чужой авторитет. Всё равно, что раньше преступления прикрывали именем партии», – подумал Цветков. Против ведения процесса нарастало раздражение. Судья с равнодушным упорством гасила любые искорки человеческих эмоций. Так асфальтовый каток вдавливал в грунт траву.

– Вчера, поздно вечером, возле дорожного кафе узбек Сухроб избил и надругался над Марией Серебряковой. Перед этим попытался напасть на меня. Гость профессора Улыбина, сидящий в зале, может подтвердить. Сухроб работал у профессора на городской ферме. Спросите, какова связь с делом-экологов? У Сухроба не имелось другого мотива, как за деньги выполнить заказ. Кто-то пытался сорвать сегодняшнее слушание в суде. Ему казалось, раз землю под свалку отвели, то и мешать никому не позволим. Вчера вечером глава района Рысин уговорил профессора Улыбина передать недостающий для территории свалки кусок земли. Последнее препятствие к противозаконной сделке устранено. Осталось запугать активистов-экологов. Что и было сделано, самым жестоким образом. Слабым звеном в нашей обороне оказалась женщина. Остается вопрос, кто заказчик? Ответ очевиден. Тот, кому выгодна свалка!

– Суд учтёт заявление, дополнительно изучив обстоятельства случившегося. Слово предоставляется ответчику, главе администрации муниципального округа Чухлово господину Рысину.

Дружка уверенно занял место за трибуной. Говорить не мог из-за шепота возмущенных зрителей. Судье пришлось восстановить порядок ударами деревянного молоточка по столу. Рысин сыпал названиями государственных ведомств, где успешно прошла экспертизу будущая свалка. Сулил райскую жизнь жителям от доходов с рекреационного комплекса. Обещал построить функциональный торговый центр. Просил уважаемый суд не поддаваться на провокации малочисленной кучки неудовлетворенных женщин и мужчин. Обвинял протестующих активистов в связях с врагами Родины. Последнее заявление звучало особо угрожающе, учитывая историческую неприязнь россиян к иностранным захватчикам.

– Озвучьте мнение по претензиям господина Вардани, – мило обратилась судья, как теща к зятю, – о совершении нападения на активистов-экологов.

– Ваша честь, то очередное подтверждение большого воображения доморощенных чухловских экологов. К тому же Мария Серебрякова является сожительницей названного господина. Возможно, таким образом мужчина решает семейные проблемы. Выставляет себя неким героем. Как весной на току тетерев хорохорится перед тетёркой.

Громкий смех зала придал уверенность судье:

– Суд останавливает обсуждение дела об отводе муниципальной земли под нужды регионального правительства. Ввиду ничтожной возможной угрозы от будущей свалки дело прекратить. В приобщении к настоящему слушанию заявления господина Вардани о якобы нападении на активистов-экологов отказать. По причине отсутствия самого преступления. Мне только что

принесли справку местного отделения полиции. Сообщается: «за последние двое суток заявлений от жителей о надругательствах и нападениях не поступало».

– Как! – выкрикнул Вардани, – вот копия заявления об изнасиловании. Имеется пометка о регистрации в нашем отделении полиции. На шесть утра. Сегодня. Справка из медучреждения о факте надругательства и побоях. Я только что из межрайонного отдела прокуратуры.

– Суд окончен! Всем встать! – по невидимому знаку пискляво прокричала секретарь, дочка судьи. Её голос походил на десятиклассницу, читающую стишок о неразделенной любви.

1.4.

У Валерия Вардани имелась своя причина оказаться в Чухлово. Два месяца назад, в августе, в уютной московской квартире за праздничным столом двое. Мужчина в светло-синей рубашке и женщина в черном платье. На оголенной шее массивные шарообразные бусы из белого золота. Горящая свеча в сувенирном подсвечнике. Не отводят друг от друга влюбленных глаз. Губы молча шепчут только им понятные слова. Мужчина подходит с бокалом красного вина. Осторожно целует женщину в нежную белую шею. Так предупредительно ведут себя только любовники. Знают хрупкость «стеклянной» страсти. Загадывают желание, веря в чудо. Валера сомневается, не решаясь сказать потаённое. Озвученная мечта, по поверью, не сбывается. Влюбленную женщину не обманешь. Глазами говорит о том же самом.

– Мария, любимая, – наконец, произносит мужчина. Склоняется к её соблазнительному ушку с шарообразной сережкой. Словно в волшебный кувшин Аладина загадывает: – Пришло время определить отношения. Мне нужна такая жена, как ты!

Женщина поднимает красивую головку с короткой стрижкой и благодарно целует в упрямые мужские губы. Долго, страстно. Так, что забываются не испробованные салаты, любовно приготовленные хозяйкой. Дорогое красное вино, тщательно выбираемое накануне праздника мужчиной. Все это уже позади. Не имеет для двоих никакого значения. После сказанного одним и принятого безоговорочно другим. Возникает доверие, которого больше всего люди боятся. Их тела становятся одним целым. Не ласками, а чувствами одаривают друг друга. Происходит замыкание, подобное в электрическом приборе. Вспышка и бегущие по проводам еле заметные искорки бесцветного огня. Кажется, время уже не является мишенью. Для влюбленных его не существует. Мужчина читает стихи:

«Нас свела судьба случайно,
В жаркий августовский день.
И с тех пор встречаясь тайно,
Представляли мы мишень
Для завистников и близких,
Не познавших красоты,
Превращающих безликих
В распрекрасные цветы.
Уходя, мы возвращались,
Обжигаясь и любя.
И тела двоих сплетались,
Время жизни не цenia.
Но для тех минуток счастья
Трудный путь совсем не в счёт.
Ветка гнется от ненастья,
Человек идёт вперёд!»

Лежали и молчали, словно оглушенные. Он, сочинивший стихотворение для застольного тоста, озвучил его совсем в другой обстановке. Женщине было неважно время и место признания. Лишь бы случилось.

– Любимый, спасибо!

Собираясь с новыми мыслями, доверительно продолжив:

– Ценю твою любовь и отвечаю взаимностью. Нашим отношениям чуть больше четырех лет. Сегодня октябрь, а встретились в августе.

– Конечно, любимая! Ты тогда работала в подмосковном госпитале медсестрой. Я поступил из самого пекла. Чёрт меня занес в эту украинскую Горловку! Повёлся на ура-патриотизм.

– Зачем жалеть о прошедшем? – тихо проговорила женщина.

– Спрашивал о свадьбе? Поедем в конце месяца к моим родителям. В Чухлово. Далековато от Москвы. Пятьсот километров. Хочу стариков порадовать. Мне тридцать лет, а они внуков не дождутся. Там и договоримся о месте и сроках обручения. Как, любимый?

На следующий день, собрав подарки, к обеду тронулись в путь. Шесть часов по удивительно сухой для осени дороге.

Ночное Чухлово встречало горьким запахом прогоревших дров и темнотой улиц. Необычно после разноцветной Москвы. Пожилые родители, ни о чём не спрашивая, постелили одну постель на двоих.

Следующим днём определились со свадьбой. Решили сыграть через два месяца в Чухлове. На Новый 2020 год.

Человек и время. Нет удобнее мишени для стрелка по имени Жизнь. Вечером же случилась встреча с профессором Улыбиным. Неожиданное нападение рядом с его домом. Всего через несколько часов, глубокой ночью, встречал избитую и униженную невесту.

Ненависть мешала сосредоточиться, приводила к потере самоконтроля. С другой стороны, сдерживать праведный гнев опасно. Как на скользкой дороге, от резкого тормоза больше неприятностей, чем от поворота руля в сторону заноса. Валерий поддался первому неосознанному порыву: найти обидчика, отомстить. На машине проносится по спящему городу. В поисках насильника оказывается у злополучного кафе. Там Мария ужинала с подругой. Со сбивчивых слов невесты знает ход дальнейших событий. Знакомый, племянник директора чухловской скотобазы, выманил её на улицу. Молодые парни без труда затащили женщину в заброшенный парк. Тридцать метров от кафе. Молдаванин скрылся, а она осталась один на один с Сухробом. Сначала бил палкой по коленям, лишая способности на побег. Действовал расчётливо, подавляю волю жертвы. Одежду не рвал, а аккуратно расстёгивал. Действовал обдуманно, создавая видимость добровольного секса. Больше информации от Марии Валерий не сумел добиться. Так же не нашёл новых фактов на месте преступления. Кафе оказалось закрытым. В бессильной злобе сел в машину, утопив педаль газа в пол. Так, в аффекте проехал километров пятьдесят в сторону Москвы. Вспоминал прошлую жизнь. Урывками. Дорога отвлекала. Не выдержав нахлынувших чувств, остановился в придорожном кафе. Заказал крепкого чая. Официантка раздражала уточнением: «с чабрецом или мятой». Заказал с тем и другим, а вкуса не чувствовал. Отпивал мелкими глотками. Так же короткими эпизодами вспоминался донецкий период.

«Там и получил ранение. На своей второй войне. Первую встретил в Нагорном Карабахе двадцатидвухлетним лейтенантом Шушинского городского отделения милиции. Сразу после распада «единой и неделимой» Родины. Не помог ей сохраниться и проведённый в марте 1991 года всесоюзный референдум. Итоги своего референдума об отделении от Азербайджана население автономной области отстояло через семь месяцев после развала Советского Союза. Взамен получили обвинение в сепаратизме. Два года на карабахско-азербайджанском фронте, добровольцем».

На этом война не заканчивается. Начинается не менее жесткая борьба за выживание в мирной жизни. В неустроенные и разнузданные девяностые годы юрист по образованию востребован. Бизнес хозяина связан с поставкой насосов для угольных шахт российского Кузбасса. Двадцать три года работы по маршруту Кемерово – Москва – Донецк принесли результаты. Квартира в Москве, женитьба на москвичке. Скорый развод по причине пустой борьбы с женским самоутверждением.

– Может, еще хотите заказать? – раздался голос надоедливой придорожной официантки. Валерий лишь отмахнулся. Череда событий продолжила цеплять память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.